АЗБУКА ВЕРЫ

Игорь Евсин

Было много чудес...

Художественная литература · azbyka.ru

Было много чудес... – электронная книга православного портала «Азбука веры».

Читайте эту и тысячи других книг бесплатно: azbyka.ru/fiction/bylo-mnogo-chudes

«Азбука веры» – некоммерческий просветительский проект. Мы бесплатно открываем людям сокровищницу православной веры и лучшие книги русской и мировой литературы. Если книга оказалась для вас полезной, поддержите портал: azbyka.ru/kak-pomoch

Было много чудес...

Игорь Евсин

Оригинал

Мне посчастливилось общаться с архимандритом Авелем около пятнадцати лет. Он был моим первым духовным наставником. И я бесконечно благодарен Господу за то, что воцерковлялся через этого Божьего угодника, о котором не дерзаю рассказывать своими словами. Пусть о жизни отца Авеля поведают его собственные рассказы, помещенные в этой книге. Я записывал их во время наших встреч и литературно обрабатывал, собирая как сокровище, которое может духовно обогатить нас.

«В моей жизни было много чудес, — говорил батюшка Авель. — Не могу однозначно сказать, для чего они совершались. Думаю, что для укрепления веры».

Некоторые из этих рассказов в разные годы уже печатались в газете «Благовест», которая изначально выходила по благословению архимандрита Авеля, а также в других периодических изданиях и книгах.

Надеюсь, что данный сборник послужит нам, по слову отца Авеля, «для укрепления веры» и, конечно же, напомнит о его праведной жизни, которая является для нас примером всякого благочестия и чистоты. Примером безоглядной, живой веры в Бога, благодаря которой и открывалась архимандриту Авелю скрытая от телесных очей духовная жизнь, в которой было много чудес...

Игорь Евсин.

Архимандрит Авель (в миру Николай Македонов) родился 21 июня 1927 г. в селе Никуличи Рязанского района, в семье крестьян.

С ранних лет был иподиаконом у архиепископа Димитрия (Градусова).

В 1945 году принял монашеский постриг с наречением имени Авель.

С 1945 г. — иеродиакон Скорбященской церкви г. Рязани.

С 1947 г. — второй священник

Георгиевской церкви с. Городище Рыбновского района Рязанской области.

В 1950 году отца Авеля направили в Ярославскую епархию, где он прослужил 10 лет.

С 20.04.1960 г. служил в Христорождественской церкви села Борец Сараевского района Рязанской области.

С 1960 г. — священник Борисоглебского собора г. Рязани. С 1960 г. — настоятель собора.

В 1970 г. командирован на Святую гору Афон, в Свято-Пантелеимонов монастырь.

В 1971 г. избран игуменом (настоятелем) монастыря.

В 1979 г. возвратился в Рязань. Служил в Борисоглебском соборе.

21 мая 1989 года назначен наместником Свято-Иоанно-Богословского монастыря.

За усердный труд на Господней ниве отец Авель награжден всеми церковными наградами, какие может иметь священник, получил право служения литургии с открытыми Царскими вратами до молитвы «Отче наш», право употребления архиерейского жезла, ношения двух крестов и панагии.

Когда позвал Господь и Царь,
Оставил мытницу мытарь,
Оставил сеть свою рыбарь —
Так собрались в конце концов
Двенадцать нищих простецов,
Двенадцать спутников Христа,
Причастники Его Креста.
Не звал тогда богатых Он,
Не тех, кто знатен иль учен,
Кто знал до буквы весь закон, —
Чтоб всякий видел — правду дать
Лить Божья может благодать,
Что всех мудрей рыбак простой,
Когда живет в нем Дух Святой.

Монах Лазарь
(В миру Виктор Афанасьев).

Глава I. Они не поняли, о чем я говорю

Когда я был маленьким, меня на ночь приходила благословлять Божия Матерь. Она была в белой одежде с легким розовым оттенком.

Архимандрит Авель однажды сказал: «Я считаю себя самым счастливым человеком, потому что родился на Рязанской земле. Сколько она дала святых, сколько знаменитых людей — ученых, художников, писателей — здесь выросло! Рязанская земля — благодатная земля.

Вот на такой земле и родился Николай Македонов-будущий благодатный старец архимандрит Авель. Родился он 21 июня 1927 г. в селе Никуличи, название которого можно считать производным от имени Никула, то есть по-старинному, по-народному — Николай.

Многие жители Никуличей носят это имя. Отца архимандрита Авеля тоже звали Николай. Когда он готовился окрестить новорожденного сына, то одна бабушка услышала за окном голос: «Назовите младенца Николаем». Так по Божьему Промыслу и был отец Авель при крещении назван Николаем.

Когда Феодосия Македонова была им беременна, приснился ей благообразный старец. Подал он Феодосии рулон черной материи, ножницы и сказал: «Это для твоего сына, который родится».

Она не поняла значения этого сна. Подумала, что ее сынишка будет портным. А на самом деле рулон черной ткани означал его монашеское служение, а ножницы — что он будет совершать постриги в монахи благочестивых христиан.

В старце, который образно предсказал будущую жизнь Коли Македонова, он впоследствии

узнал апостола Иоанна Богослова, точно как в материнском видении изображенного на старинной монастырской иконе.

Родители архимандрита Авеля были верующие крестьяне, жили благочестиво. Ходили молиться в Тихвинскую церковь села Никуличи. Батюшка Авель всегда с теплом говорил о помещиках села Никуличи Кублицких, построивших эту церковь, и об их потомках. Шестнадцать человек из рода Кублицких Господь удостоил упокоиться в склепе у алтаря Тихвинской церкви.

По Божьему Промыслу в роде Кублицких до 1734 г. хранилась мантия священномученика Мисаила, которую более чем через два с половиной столетия передали из музея-заповедника Рязанский кремль архимандриту Авелю в Иоанно-Богословский монастырь.

— Нам в школе говорили, что помещики — это жестокие эксплуататоры, — говорил отец Авель, — что ничего хорошего они людям не принесли. Но я не верил. Крестьяне села Никуличи сохранили о Кублицких самые хорошие воспоминания. Они через меня часто передавали в церковь записки об их упокоении. А ведь после революции 1917 г. к тому времени прошло уже около тридцати лет…

Школа, в которую ходил Коля Македонов, являлась бывшей помещичьей усадьбой. Ольга Всеволодовна Долгих, дочь помещиков Кублицких, вспоминала, что она лично хлопотала о передаче ее под школу. Коля Македонов стал ходить в нее с восьми лет.

В то время у власти находились безбожники, поэтому школы являлись рассадниками безбожия. Однако не местом спасается душа человека. Иуда был около Христа, а развратился сребролюбием и стал предателем, а праведный Лот жил в Содоме среди развратников, но остался верен Богу.

Одноклассница Николая Максдонова Л. Н. Макова вспоминала:

— В школьной котельной Коля оборудовал как бы маленькую церковь. Там висели иконки, горели лампадки и свечи. Поскольку я ходила в церковь и там встречалась с ним, он показал мне это место. «А ты не боишься?» — спросила я. — «Нет, не боюсь», — сказал он.

Однажды Коле и его одноклассникам объявили, что их будут принимать в пионеры. Была тогда такая всероссийская детская организация, несколько похожая на скаутскую. Но в отличие от скаутов пионеров учили безбожию. Поэтому Колю Македонова, когда ему выдали красный пионерский галстук, предупредили, чтобы он снял с себя нательный крестик. Ему сказали, что нельзя вместе носить и галстук, и крестик. А он и сам это понимал. Пришел на следующий день в школу и сдал галстук обратно. Это был для юного подвижника настоящий подвиг исповедничества. На дворе стоял 1936 год — разгар гонений на Церковь.

Николая Македонова хотели исключить из школы, но за него вступилась одна авторитетная учительница. «Если такого ученика изгонят из школы, — сказала она, — то я и сама уйду вместе с ним».

Так и оставили Колю Македонова учиться, а он из школы вынес все лучшее, что мог в ней получить. Образцы возвышенности человеческой души он видел в произведениях Достоевского, Пушкина, Лермонтова, Тютчева.

— Однажды я читал поэму Лермонтова о купце Калашникове, — вспоминал отец Авель, — и задумался над строчками:

На груди у него висел медный крест
Со святыми мощами из Киева.

В лермонтовской поэме этот крест-мощевик спас купца Калашникова от смерти при ударе царского опричника.

«Вот и мне бы иметь хоть малюсенькую частичку мощей какого-либо святого из Киево-Печерской лавры», — размечтался я тогда и стал просить об этом Господа.

И вскоре то, о чем мечтал горячо любивший Христа советский школьник, исполнилось.

Однажды в поезде, следовавшем через Рязань, умер священник. Его сняли с поезда и отправили в морг. Среди вещей умершего обнаружили шкатулку с мощами свт. Лаврентия, епископа Туровского, затворника Киево-Печерской лавры. Ее передали рязанскому архиерею Димитрию (Градусову), который относился к своему иподиакону Коле Македонову как к сыну. И по горячей просьбе владыка передал ему «малюсенькую частичку» от святых мощей.

Так, еще с детства архимандрит Авель имел такую веру в Бога, что потом часто говорил:

— Просите у Бога не злата и серебра, а полезного для ваших душ, то, что нельзя купить ни за злато, ни за серебро. Просите то, что спасительно для души, и Господь даст вам все. Даст и то, что необходимо для вашей повседневной жизни, даст с избытком. Как говорится в Евангелии, коль Господь полевую лилию одевает в царские одежды, так неужели Он своих чад оставит нагими?

Такова была его живая вера в Божие попечение о человеке. Вера, которую не поколебала безбожная школа и которую он видел в своих родителях.

Однажды, когда в их дом пришел какой-то госслужащий, по-видимому, занимавшийся учетом верующих, то отец архимандрита Авеля тогда прямо заявил: «Я верил, верю и буду верить в Бога». В то время поступок отца являлся смелым и открытым исповедованием веры, за которое можно было поплатиться свободой, а то и самой жизнью.

В Тихвинскую церковь Колю Македонова начала водить бабушка.

— Я тогда ничего не знал о церковной службе, — вспоминал архимандрит Авель, — даже читать не умел. Не понимал, о чем поют на клиросе. А мое детское сердечко радовалось, трепетало. И уходить из церкви совсем не хотелось. Бабушка меня даже насильно за руку тянула: «Пойдем, Коленька, служба закончилась, народ расходится».

Уже в то время он получил прозвище Монах. И совсем не обижался. Наоборот, просил:

— Господи, сделай так, чтобы я действительно стал монахом.

Когда Коле Македонову было всего пять лет, ему дали отнести просфоры священнику в алтарь. А он тогда еще не знал, что туда миряне могут входить только боковыми дверьми, и вошел в Царские врата. Святое Святых так поразило мальчика, что он невольно оперся на престол. Служивший архимандрит Мина, видимо, поняв, что Коля вошел через Царские врата по Божьему Промыслу, не стал укорять его, а научил благоговейному поведению в алтаре.

За любовь Коли Македонова к молитве, к церкви, над ним с детства проявилось попечение Божией Матери.

— Когда я был маленьким, — вспоминал архимандрит Авель, меня на ночь приходила благословлять Богородица с младенцем Христом на руках. Она была в белых, с легким розовым оттенком, одеждах. Стояла в полный рост, а сзади от нее отходили лучи, как от солнца. Я думал, что Божия Матерь приходит всех благословлять на ночь.

И вот однажды, когда Она не пришла ко мне, я спросил знакомых мальчишек, приходила ли Она к ним. Они посмотрели на меня с недоумением и даже не поняли, о чем я говорю.

Они не поняли его, зато праведники, ушедшие из жизни, понимали. Коля со святыми разговаривал, как с близкими людьми. Так, однажды он захотел иметь у себя икону апостолов Петра и Павла. Ходил на могилку к блаженной Любови Рязанской, просил ее об этом. И желание мальчика исполнилось.

Случилось это так:

— В 1941 году, — вспоминал отец Авель, — когда мне было четырнадцать лет, зашел я к своим знакомым. Смотрю, при входе в сени, в углу какая-то широкая доска стоит. Что-то меня потянуло к ней. Захотелось посмотреть, что на этой доске с другой стороны есть. Повернул и под слоем пыли увидел нарисованные руки. Был у меня мешок с собой. Отер им доску и увидел, что это икона первоверховных апостолов Петра и Павла. Тогда я зашел в избу и говорю хозяйке:

— Елена Петровна, продайте мне икону, что у вас в сенях стоит.

— Коленька, — отвечает она, — как же можно икону продавать, ведь это грех. А может, церковь откроют, я ее туда и отнесу. Так что не продам и не отдам я тебе икону, и не думай об этом. Так я и ушел ни с чем. А мне очень хотелось иметь эту икону. Пошел на могилку блаженной Любушки.

Она тогда еще не прославлена была, но очень почитаема в народе. Пришел и все, как живой, ей рассказал: «Видел икону, говорю, — стоит вся в пыли, никому не нужная, а мне ее не отдают.

Ты уж, Любушка, помоги, помолись Богу, чтобы мне икону святых апостолов Петра и Павла отдали».

И вот прошло какое-то время, вдруг приходит ко мне Юрка, внук Елены Петровны.

— Коля, бабушка просила тебя срочно прийти.

Пришел я к ней. Елена Петровна рассказала, что на нее из-за иконы какой-то непонятный страх напал. Да такой страх, что держать эту икону у себя она больше не может.

— Возьми этот святой образ себе, — сказала Елена Петровна, и закажи молебен о моем здравии в церкви.

Тогда в Рязани была только одна действующая церковь — в честь иконы Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих Радость».

Там Коля Македонов познакомился с Борей Ротовым — будущим митрополитом Ленинградским и Новгородским Никодимом. Со службы они часто ходили в село Никуличи.

А по дороге у них было несколько остановок со священными названиями Вифлеем, Иерусалим,

Гефсиманский Сад. На каждой остановке они вспоминали Евангельские события, связанные с этими местами. Однажды у них зашел разговор о том, кто из них кем хотел бы стать в будущем.

— Я хочу стать схимником, говорил Коля, — и чтобы у меня был храм, где я молился бы когда захотел и сколько захотел.

— А я, — сказал Боря, — хочу стать Патриархом, чтобы больше приносить пользы Церкви.

Их желания практически полностью исполнились. Впоследствии Коля Македонов постригся в схиму с именем Серафим, имел домашний храм, в котором мог молиться когда хотел. А Боря Ротов стал правой рукой Патриарха и мог приносить Церкви много пользы на посту председателя Отдела внешних церковных сношений.

— Мне было лет 14, а будущему владыке лет 12, — вспоминал отец Авель. — Мы познакомились в храме в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Мы часто туда ходили. Мальчиков порой много было в храме, но они когда приходили, а когда нет. А мы старались ни одного праздника не пропустить. Так и подружились. Нас обоих приблизил к себе владыка Димитрий (Градусов), внушал, чтобы мы друг друга не оставляли, друг другу помогали, поддерживали в преодолении житейских трудностей, друг за друга молились.

Даже так сказал однажды: «Вас Матерь Божия избрала друг для друга и соединила». И действительно они оба прошли по жизни под Покровом Божией Матери, и впоследствии их судьбы были связаны с восстановлением Ес удела — Святой горы Афон.

Велика была у Коли Македонова вера в Пресвятую Богородицу, вера в Ее материнское человеколюбие. И когда очень сильно заболела Колина сестренка Тоня, он пошел в Скорбящснскую церковь и стал о ее выздоровлении горячо молиться пред иконой Богоматери «Всех скорбящих Радость». Потом взял святое масло от иконы, принес домой и тайно от родителей с ног до головы обмазал Тоню. Уже наутро она проснулась выздоравливающей. А ведь ее молитвеннику, старшему брагу Коле, от роду было всего-то четырнадцать лет.

К тому времени он иподиаконствовал у рязанского владыки, архиепископа Алексия (Сергеева).

В 1944 г. на рязанскую кафедру назначили другого архиерея. Коля заволновался: оставит ли другой владыка его при себе иподиаконом?

Под праздник Боголюбской иконы Божией Матери он увидел странный сон.

— Снилось мне, — вспоминал отец Авель, — что я иду мимо Скорбященской церкви. Из нее выходит народ.

— Сегодня владыка служил, — говорит мне кто-то.

Смотрю, выходит старец, согбенный, как преподобный Серафим.

Я понял, что это новый рязанский архиерей, сложил руки для благословения и жду. А он меня вдруг обнял, прижал к себе мою голову и сказал:

— Ангел мой.

Я растерялся и говорю:

Владыка, я иподиакон прежнего архиерея.

А он мне так ласково сказал:

И у меня, и у меня будешь иподиаконствовать.

Вскоре после этого сна я получил повестку. Меня вызывали в военкомат. Но прежде чем туда идти, я зашел в Скорбященскую церковь. А там мне говорят:

— Ты, может, задержишься, поможешь облачить нового архиерея? Ведь тебе в военкомат к десяти, а владыка приезжает в девять.

— А вдруг он не благословит? — засомневался я, но все-таки пошел встречать архиерея.

Владыка приехал на пролетке. Я, как только его увидел, так и обомлел. Именно он явился мне во сне!

Епископ Димитрий сошел с пролетки, я подошел для благословения, а он, точно так же, как мне и приснилось, обнял меня, прижал к себе и сказал: «Ангел мой».

Взял он меня прислуживать. А ведь мне в военкомат надо. Стою как на иголках. Решил уходить, стал орарь снимать, а он мне:

— Останься, дослужи, ничего не случится.

Да так тихо, уверенно сказал, что я никуда не пошел. Остался и прослужил всю литургию.

А когда пошел в военкомат, оказалось, что там выходной. Повестку на этот день выслали по ошибке.

В 1943–1944 гг. Коля Македонов лишился родителей. Сначала умерла мама, а потом отец.

— Однажды я собрался на вечернюю службу, — вспоминал архимандрит Авель, — а сестра просит остаться. Отец почувствовал себя очень плохо. Он болел раком. Я не пошел на службу. Через полчаса отец умер. Так я остался в семье старшим. А ведь мне было всего шестнадцать лет, и на руках у меня оставались два брата и две сестры. Я возложил все упование на Бога и на Пречистую Его Матерь. В воскресенье пошел в храм. Никому не стал говорить, что у меня умер отец, — ни священникам, ни товарищам. Тогда шла страшная война и почти у каждого было свое горе.

Скрепил сердце и думаю: «Господи, на все воля Твоя, без Тебя ничему невозможно произойти, что происходит. Я склоняюсь перед волей Твоей».

Пришел в Скорбященскую церковь, облачился. Стали владыку встречать. Хор поет, взошли на кафедру, я стал владыке Димитрию омофор застегивать. А он наклонился, вроде как на омофор смотрит, а сам взял меня за подбородок и, глядя в глаза, сказал: «Что же ты, ангел мой, не говоришь, что твоего папочку вчера вечером Господь к себе взял?»

Вот какой прозорливый был владыка Димитрий!

У меня слезы из глаз так и покатились. А он говорит: «Ты не плачь, Коленька, ведь у кого нет ни отца, ни матери, тому Сам Бог заменяет отца, а Богородица заменяет мать. Раз Господь взял у тебя родителей, Он тебе их и заменит. Ни ты, ни твои братья и сестры оставлены не будут».

Глава II. «Дьякона часов не читают»

В храме было темно… Вдруг вижу из-за колонны луч света. Откуда он взялся? Подошел потихоньку, а там Нюша молится перед иконой Божией Матери.

Как уже говорилось, к своему иподиакону владыка Димитрий относился как к родному сыну. По-человечески заботился о нем.

— Помню, однажды у меня сильно разболелась голова, рассказывал отец Авель, — так, что через силу я пришел в церковь ко всенощной. Служил владыка Димитрий. Стал я его облачать, а он вдруг снял с себя скуфью бархатную и надел на меня. Ну, думаю, шутит владыка. Хотел снять с себя эту скуфью, а он говорит:

— Не надо, не снимай, постой в ней немного.

Так, в скуфеечке, я его и облачил. А после облачения он сам ее с меня снял и говорит:

— Ну как, мой ангел, головка-то у тебя прошла?

И тут я почувствовал, что голова у меня действительно не болит. Вот какой благодатный был старец!

Архиепископ Димитрий (в миру Владимир Валерианович Градусов) действительно являлся незаурядной личностью. Родился он в Ярославле в семье потомственных дворян. Имел юридическое образование, обладал литературными и музыкальными способностями. Писал стихи, сочинял музыку.

Во диакона, а затем во священника рукополагался самим святителем Тихоном (Белавиным), Патриархом Московским и всея Руси.

Когда после революции 1917 г. в Ярославле вспыхнул белогвардейский мятеж, он занял нейтральную позицию. Но красноармейцы, подавившие мятеж, арестовали его и жестоко пытали, переломав ноги. До конца жизни владыка Димитрий ходил с палочкой, согнувшись. Потому и сравнил его архимандрит Авель с батюшкой Серафимом Саровским.

Владыка оказал решающее влияние на жизнь Николая Македонова, формирование его как православного христианина, а впоследствии и монаха.

— Потомственный дворянин, — говорил архимандрит Авель, юрист по образованию, он являлся для меня примером любви к Богу, любви к людям и к своему Отечеству.

В то время шла Великая Отечественная война, и епископ Димитрий пламенно молился Богу о даровании российскому воинству победы. Архимандрит Авель на всю жизнь запомнил, как владыка с отеческой любовью благословлял и напутствовал солдат, приходивших в храм перед отправлением на фронт.

В ту страшную войну по молитвам верующих и благодаря заступничеству святителя Василия Рязанского наш город чудесным образом был спасен от захвата фашистскими войсками.

Это произошло в 1941 г. К тому времени немцы захватили Михайлов и продвинулись до Захарова. Их передовые части находились всего в сорока километрах от Рязани. В городе объявили эвакуацию. Узнав об этом, верующие собрались в Скорбященском храме на молитву о спасении града своего и родного Отечества от нашествия иноплеменников. Архимандрит Авель

так вспоминал об этом:

— Помню, как во время богослужения в храм вбежала очень взволнованная женщина. «Православные! — закричала она. — Мне было видение: святитель Василий сказал, что наш город будет спасен от фашистов!» — и со слезами припала к его иконе.

Не все верующие поверили этому. Слишком велика была опасность. Некоторые части наших войск уже готовились к отступлению. Но случилось чудо — фашисты не смогли захватить наш город.

Я жил тогда в Никуличах. Там была расквартирована часть Сибирского полка. И один из солдат рассказал мне о том, как он стал свидетелем заступничества святителя Василия Рязанского за наш город. Этот солдат служил во взводе охраны Рязанского кремля, в Успенском соборе которого находился пороховой склад. Когда немцы бомбили кремль, они не могли не попасть в собор — самый видимый из всех объектов. Однако, к удивлению охранников, не попадали. Тогда кто-то из них заметил, что по валу Рязанского кремля ходит странный старик. Пытались его поймать — не получается. Таинственным образом он исчезал. Но вечером появлялся вновь и благословлял руками город Рязань.

Охранник, который мне рассказывал про это, был верующим человеком и считал, что они видели святителя Василия, чудотворца.

А избавление всей Рязанской земли от фашистских полчищ тогда предсказала жившая в селе Захарово Михайловского района блаженная старица Пелагея. Архимандрит Авель ее очень почитал.

— Великая она была, великая! — так отзывался он об этой праведнице.

Блаженная Пелагея и саму войну предсказала задолго до ее начала, и захват фашистами Михайлова и Захарова.

— В Захарове они пробудут недолго, — говорила она, — а потом погонят их наши войска с Михайловской земли.

Так и случилось. Знаменитое контрнаступление под Москвой началось с освобождения города Михайлова.

А первый удар по фашистским войскам был нанесен у деревни Поярково, в которой родилась и выросла старица Пелагея.

Когда Николай Македонов потерял своих родителей, то, чтобы прокормить братьев и сестер, оставил школу, проучившись всего семь классов, и стал работать пчеловодом в колхозе. Он жалел о том, что не мог учиться дальше. А владыка Димитрий говорил:

— Ничего, Коленька, к тебе самому со всей России уму-разуму научаться будут приезжать.

Прозорливый архипастырь оказался прав. Впоследствии со всей России приезжали в Иоанно-Богословский монастырь к архимандриту Авелю за духовным советом и наставлением. Хотя его образование как было, так и осталось -- всего семь классов 1-й Советской школы г. Рязани. А отцу Авелю, даже после слов владыки Димитрия, очень хотелось учиться. И когда такая возможность появилась, он при встрече с Пелагеей Захаровской, или, как ее называли в пароде, Полюшкой, сказал ей о своем желании поступить в семинарию. Блаженная ничего не знала о мнении архиепископа Димитрия на этот счет, но сказала отцу Авелю поразительные

слова: «Что Бог сказал тебе через старца, то и я скажу — нет благословения».

Эти слова стали для отца Авеля Божьим откровением, и он еще больше стал почитать своего духовного отца за прозорливого старца, а блаженную Полюшку — за святую старицу.

Была она неказистой на вид, маленькой, слепой.

— Лицо как печеное яблоко, — говорил архимандрит Авель, — но в то же время какое-то светящееся. По ее простоте Господь ей многие дары дал. Была слепой, а Псалтирь знала наизусть. Все двадцать кафизм. Знала также акафисты святителю Николаю и преподобному Серафиму Саровскому.

Не имея телесного зрения, духовными очами она видела будущее людей, могла дать необходимый совет, предостеречь от опасности и молит вами ко Господу излечивать болезни.

Божьи угодники встречались архимандриту Авелю с детства.

Первой из них была блаженная девица Анна, ходившая молиться в Скорбященскую церковь. В народе ее звали просто Нюша.

Еще мальчиком, вспоминал отец Авель. — любил я ходить ко всенощной пораньше. Тогда прямо в церкви, у входа, матушки пекли просфоры, а я им частенько помогал.

Однажды, это было осенью, пришел я на всенощную, в храме темно… Вдруг вижу из-за колонны луч света. Откуда он взялся? Подошел потихоньку, а там Нюша молится перед иконой Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Как только она услышала шаги, сразу прекратила молиться и стала, как обычно, блажить, «дурачиться».

Другой случай произошел в 1945 г. Владыка Димитрий хотел рукополагать меня во диакона. Однажды пришел я в храм, и монахини попросили меня читать часы. Так как я их никогда не читал, то запнулся. А одна из монахинь говорит:

— Во диакона собрался рукополагаться, а часы читать не умеет.

Внутренне я с этим согласился и решил пойти к владыке, отказаться от сана. Когда вышел из храма, то увидел, что навстречу идет блаженная Анна и говорит:

— Ты, мой приятный, куда идешь?

Я сказал, что домой иду. Тогда Нюша развернула меня лицом к храму и говорит:

— Иди к обедне, молись. Дьякона часов не читают. Запомни.

В то время Николай Македонов работал пчеловодом. И вот на пасеке у него неожиданно появилась сильная тревога. Да такая сильная, что безо всякой причины захотелось плакать. Тогда он решил пойти к своему духовному наставнику, владыке Димитрию, спросить, в чем может быть причина такого состояния. «Может, это к моей смерти, — думал он, — кругом война, немцы город бомбят, смерть-то, она рядом ходит… Может быть, мне пришла пора умирать и надо как-то особенно подготовиться к этому».

— Как мне потом рассказывали, — вспоминал архимандрит Авель, -в тот день от владыки Димитрия помощница понесла на почту письма. А он ей и говорит:

— Мария Ивановна, ты дверь-то не закрывай, ко мне сейчас Коленька придет.

— Хорошо, владыка, — сказала она.

А когда я подходил к епархиальному управлению, она сошла с крыльца и увидела меня. Помню, спросила:

— Когда же ты договорился о приеме? Иди, архиепископ Димитрий ждет тебя.

Конечно, никакого договора не было, но я ничего не ответил, вошел в приемную архиерея, благословился и рассказал ему о своем состоянии.

— Ангел мой, — сказал владыка Димитрий, — это душа твоя предчувствует, что в Совете Вышнем решена твоя судьба. По Божией воле ты должен принять сан диакона.

Это было для меня большой неожиданностью. Я мечтал, что владыка пострижет меня в монахи. И тогда прямо попросил его об этом.

— У меня ведь ни слуха, ни голоса нет для дьяконского служения, — сказал я.

— Ты что, рыба, что ли, безголосая? — сказал владыка Димитрий. Преподобный Серафим Саровский тоже не обладал пи слухом, ни голосом, а вся Россия его слышала. Твое диаконство — это воля Божия.

Конечно же, я не мог ослушаться и в день празднования иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» принял диаконский сан.

Глава III. Овцу надо прикармливать

— Батюшка, кажется, Господь оставил меня.
Тягостно на душе н темно...
— Да как же это оставил, если Он в соседней комнате находится?

Вскоре после рукоположения диакона Николая стали постигать искушения. И вновь в его жизни стали происходить события, связанные с блаженными простецами, которым Господь даровал прозревать помыслы людские.

В то время в Скорбященский храм часто приходил юродствующий старец Александр Белкин. Принимая на себя личину ненормального человека, он обличал людские пороки. И мог делать это гласно, прилюдно и без боязни. Какой может быть спрос с ненормального?

Несмотря на кажущуюся грубость, его обличения приводили грешников ко спасительному пути покаяния.

Блаженный Александр уберег от греха тщеславия молодого диакона Николая Македонова, которого хвалили за хорошее чтение Евангелия на литургии. Архимандрит Авель вспоминал:

— Однажды, когда я начал читать Евангелие и воцарилась в храме полная тишина, пришел ко мне помысел: «Вот как я хорошо читаю, все затихли и меня слушают». И только я так подумал, подскочил ко мне блаженный Александр и говорит:

— Вот как я хорошо читаю, вот как я хорошо читаю!

С большим смущением дочитал я Евангелие и с тех пор старался не допускать таких мыслей.

Однако, избавившись от одного искушения, отец Авель стал бороться с другим. Иногда на молитве у него появлялась немощь, вызывавшая желание уйти из храма.

— Однажды, — рассказывал архимандрит Авель, — молился я в алтаре. Но молитва не шла. Трудно было стоять, словно на мне была какая-то тяжесть. Клонило ко сну. Я подумал о том, что, может быть, мне лучше уйти. Но достоял до конца службы. А по ее окончании, у выхода из храма, ко мне вдруг кинулся блаженный Александр, плюнул и замахнулся на меня палкой, чтобы ударить. Я увернулся и сбежал со ступенек паперти. А он стал догонять.

Пришлось бежать от него дальше — вдоль по Скорбященскому кладбищу. Обернувшись, я увидел, что блаженный остановился. Его обступил народ. Люди закричали: «Что же ты, Александр Николаевич, напал на нашего отца диакона, ведь он у нас хороший...»

— Да разве я на него напал? Не видели вы, что на нем бес сидит. Вот я беса-то и прогнал.

И действительно, тяжесть, которая одолевала меня на молитве, прошла. Осталось лишь покаянное чувство за греховный помысел.

Потом я рассказал о своей немощи во время молитвы епископу Димитрию.

— Раньше мне было приятно молиться, а сейчас молюсь холодно, шаблонно.

— Послушай, — сказал на это владыка, — ты же в деревне родился. Когда овца домой не желает идти, хозяин что делает?

— Прикармливает ее, — ответил я.

— Так и Господь тебя сперва прикормил, дал вкусить сладости духовной, а потом отнял. Ищи ее сам, трудись. Царство Божие трудом дастся. А если у тебя здесь все легко, все хорошо, то за что же Господь награду давать будет?

Будучи диаконом, Николай Македонов не переставал мечтать о монашеском постриге. И вот однажды архиепископ Димитрий поехал в Раненбург и взял его с собой. Знаменитую Раненбургскую Петропавловскую пустынь к тому времени закрыли. Но в пригородном селе Кривополянье была действующая церковь. При ней жили Дивеевские монахини, прибывшие из закрытого Серафимовского монастыря, и желавшие принять монашество женщины. Чтобы не привлекать внимания властей, епископ Димитрий решил постричь их тайно, на дому. Послал отца Николая в церковь за облачением, крестом, Евангелием и ножницами.

— Я пошел выполнять послушание, — вспоминал архимандрит Авель, — а самого обида взяла. «Вот. — думаю, — всех постригают, а меня нет».

Когда зашел в церковь, то увидел Тихвинскую икону Богородицы. И вдруг этот образ будто бы ожил. Я подошел, посмотрел и подумал, что мне почудилось.

Но, как к живой, обратился к Божией Матери:

— Пресвятая Богородица, что ж это делается? Я жду не дождусь, когда меня в монахи постригут, а здесь приехали невесть откуда женщины, и владыка их тут же постригает. А ведь и знает-то их плохо.

А потом мне вдруг стыдно стало за свой ропот, я упал перед Царицей Небесной на колени и взмолился:

— Матерь Божия, прости меня за такие слова. Я даже помыслить так не должен был. Ведь, может, нет Твоей воли, чтоб я монахом стал. И все же прошу Тебя, Матушка Богородица, хоть перед смертью, но удостой меня стать овечкой Твоего стада…

Потом взял из церкви все, что просил епископ Димитрий, пришел к нему, облачил его. А владыка сел на лавку, посадил меня рядышком и говорит:

— Ну, ангел мой, сегодня ты получишь то, чего просил.

— А что просил? — в растерянности ответил я. — У вас я ничего не просил…

— Да не у меня, а у Божией Матери в церкви сейчас просил.

И владыка рассказал, что как только я ушел в церковь, он стал молиться. Ему открылось, что сегодня необходимо совершить постриг меня в монахи.

— Сама Божия Матерь так повелела, — сказал архиепископ Димитрий.

— А как же я буду постригаться? Ведь ни рясы, ни мантии, ни клобука у меня нет!

— Придется постригать без них. Ослушаться Божию Матерь нельзя.

Постриг Николая Македонова в монашество совершился в 1945 г. по старому стилю 8 ноября, на праздник Архистратига Михаила. В монашестве ему было наречено имя Авель. Владыка Димитрий дал это имя со значением. Он говорил ему об этом значении так: «Авель значит печаль, потому что родители у тебя умерли рано, Авель — жертвенность, потому что в жертву принесена была юность, Авель — первомученик, потому что ты стал первым постриженником в Рязанской епархии после долгих послереволюционных лет, и дай Бог тебе терпения предстоящих гонений за веру».

На следующий день после тайного пострига отец Авель пришел на службу в Скорбященский храм. А поскольку ни монашеской рясы, ни мантии у него не было, то оделся он, как обыкновенно, — в пиджак.

— Вошел я в храм, — рассказывал архимандрит Авель, — и вдруг блаженный Александр Белкин сорвался со своего места прямо в толпу и, размахивая руками, закричал: «Расступитесь, дайте дорогу».

Народ и правда освободил мне дорогу, а старец Александр, глядя на мой пиджачишко, развел руками и громко сказал: «Глядите, мантия-то, мантия-то какая…»

Вот какие прозорливые были люди!

А блаженная Анна предсказала отцу Авелю рукоположение во священники.

— Когда я стал диаконом, — вспоминал батюшка Авель, — пришел однажды в храм на службу раньше, чем обычно. Только хотел приложиться к иконе Божией Матери «Всех скорбящих Радость», вдруг подходит ко мне Нюша и говорит:

— Благослови, батюшка!

— Да я. Нюша, не священник.

А она мне снова говорит:

— Благослови!

Прошла неделя, и епископ Димитрий рукоположил меня во священники.

Это произошло 11 января по старому стилю, в память преподобного Феодосия Великого. Отец Авель по своему смирению считал себя недостойным сана священника, боялся, что по молодости и малограмотности он не сможет быть пастырем, отцом духовных чад. А владыка Димитрий сказал ему:

— Это воля Божией Матери, чтобы ты стал священником. Ты обязан ее выполнить.

Но отец Авель на это ответил:

— Если бы Божия Матерь повелела рукоположить, то прежде приуготовила бы меня к этому, уберегла от грехов, чтобы я не познал ничего скверного.

Улыбнулся на эти слова владыка Димитрий и говорит:

— Ты не прав, мое чадо. Ведь священник — это духовный врач. А что же это за врач, который не знает людских болезней? Придет к тебе человек с болью на душе, а ты даже не знаешь, какой дать ему совет, не знаешь, чем ему помочь. Потому Господь и попускает тебе познать грехи людские, чтобы ты смог определять причины духовных болезней.

— Но ведь я по своей малообразованности даже и проповедовать-то не смогу.

— А тебе и не надо проповедовать. Нужно просто жить по-Божьему, исполнять законы Его, и тогда сама твоя жизнь станет проповедью.

Рукоположение диакона Авеля во священники свершилось неожиданно.

— После службы, — рассказывал архимандрит Авель, — я подавал крест для целования. Подошли две женщины и говорят:

— Скажите, батюшка, кто-нибудь знал, что вас сегодня будут рукополагать во священники?

— Нет, даже мне ничего не сказали, и я не знал, что меня будут рукополагать.

— Странно. Мы приехали из Захарова. Хотели поговорить с Полюшкой, а она сказала, чтобы мы сначала сходили в храм, помолились и благословились у отца Авеля. Мы ей говорим, что там нет такого священника. Но она настояла, чтобы мы пришли сегодня в Скорбященский храм. Выходит, Полюшка знала, что вас будут рукополагать.

Вскоре произошел с отцом Авелем и другой знаменательный случай, о котором он впоследствии вспоминал:

— Однажды подходит блаженная Нюша, предсказавшая мое рукоположение во священники, и говорит:

— Мой приятный, я скоро умру, ты будешь обо мне причитать?

Но я не принял ее слова всерьез и пошутил:

— Конечно, буду. Прокричу — как я рад, что Нюша померла.

— Кто же так причитает? Ты причитай: «Как мне Нюшу жалко, как мне Нюшу жалко».

Указывая на небо, она загадочно улыбнулась и сказала:

-До свидания. Там увидимся.

Через неделю блаженная неожиданно умерла. Пришла после службы домой. Легла на кровать, положила на грудь иконки. Позвала маму, прошептала:

— Я умираю.

И умерла.

Все чудесные случаи, происходившие в молодости с отцом Авелем, говорят об особом Божием Промысле над ним. Богородица, являвшаяся ему в детстве, блаженные и юродивые, оберегавшие от греховных искушений, прозорливость духовного наставника и других старцев — все это утверждало в отце Авеле глубокую веру , что все происходящее с ним совершается по воле Божией.

И когда уходили из этой жизни окружавшие его праведники, он не скорбел. Как уже отмечалось, для него не было умерших праведников, ушедших в недосягаемые высоты. Они оставались для него близкими, живыми. Отец Авель разговаривал с ними, испрашивал совета, просил помощи в тяжелых обстоятельствах. И по вере всегда получал просимое.

Живую веру, обретенную с детства, отец Авель впоследствии передавал сотням и сотням людей.

Однажды один из духовных чад архимандрита Авеля, впав в грех маловерия, признался:

Батюшка, кажется, Господь оставил меня. Тягостно на душе и темно. Так темно, так темно…

— Да как же это оставил, если Он в соседней комнате находится? удивился отец Авель.

— Как в соседней комнате?!

— Да так. Поводил Он тебя, несмышленыша, за ручку, показал свет, а ты, подрастая, баловаться начал. Вот Он тебя в наказание и оставил одного в темной комнате. А Сам, как любящий Отец, в соседней комнате ждет, когда ты придешь к Нему, прощения попросишь.

Ну как после такого разговора не утешиться, не воспрянуть духом?

— Путь к Отцу Небесному нелегкий, — говорил батюшка Авель. — Сначала Он нас, как малых детей, за ручку водит, а потом одних оставляет, чтобы мы сами к Нему шли. В такие минуты может появиться у человека скорбь и теснота на душе. Но эти минуты являются для него испытанием, которое он должен пройти, преодолевая малодушие и маловерие.

А в особо тяжелых ситуациях, когда архимандрит Авель не знал, что посоветовать своему духовному чаду, он говорил:

— Подожди, я помолюсь, попрошу Пресвятую Богородицу, может, Она мне подскажет, что

надо делать.

Глава IV. Обретение чудотворной иконы

Мне было видение, будто из Тюшева в Городище облако голо. Из этого облака пение ангельское слышалось...

В 1947 г. отца Авеля назначили вторым священником храма во имя святого Георгия Победоносца, что в селе Городище Рыбновского района, — единственной действующей церкви в этом районе. В нее на богослужения стекались люди со всей округи. В том числе из соседнего села Тюшево, в котором находилась закрытая Казанская церковь. Тюшевские прихожане сообщили отцу Авелю, что до закрытия в ней находилась чудотворная Боголюбская икона Божией Матери. И рассказали об этой иконе предание, которое через отца Авеля дошло и до нас:

— Когда Казанский храм закрывали, пришли комсомольцы со стамесками и стали с Боголюбской иконы ризу обдирать. Один из них стамеской даже ударил по ней. Попал Богородице прямо в грудь, а из нее кровь брызнула. Они в ужасе бросили все и убежали. Но потом церковь все-таки была разграблена. А эта икона досталась колхозному плотнику. Флор его звали. И таким он безбожником был, что не побоялся из нее дверь сделать. Прибил скобы и повесил в избе. А поскольку, открывая дверь, ее обычно внизу ногой задевают, то икона внизу вся ногами отбита стала. Люди перестали в этот дом ходить. «Как можно, чтобы икона вместо двери была?!» — думали они со страхом.

Вот и решил плотник, чтобы не было видно рисунка, обстругать ее рубанком.

Жена стала уговаривать:

— Не делай этого, Флор, не делай!

А дочь, наоборот, подзадоривала:

— Стругай, папенька, стругай, Бога все равно нет, и ничего тебе не будет!

Ну и струганул Флор по иконе рубанком, а его тут же парализовало. И дочь через некоторое время с ума сошла. После этого жена плотника спрятала икону в чулан.

Однажды довелось мне в Тюшеве на пасхальной неделе ходить по домам, молебны служить. Сопровождала меня монахиня Агния. Вот подошли мы к одному из домов, а она и говорит:

— Вот здесь жил плотник Флор, тот самый, который икону хотел оструга́ть.

— А сейчас кто живет?

— Жена живет, батюшка.

— Ну тогда я зайду.

Постучался. Хозяйка впустила. Стал кропить избу святой водой и смотреть — где же находится чудотворная икона. Горницу окропил, спальню, кухоньку. Нигде иконы не видно. Тогда прямо спросил у хозяйки:

— А где у вас икона из Казанской церкви?

— Ее у нас нет, — ответила она.

— Смотри, если ты меня обманываешь, то Господа не обманешь. Вспомни, что случилось с твоим мужем и дочерью.

Тогда она перепугалась, заплакала и сказала, что икона находится в чулане. Зашел я в чулан, увидел чудотворную икону, всю запыленную, и со слезами упал перед ней на колени.

А потом говорю:

— Разве ж можно такую икону в чулане держать? Ее место в церкви.

Хозяйка прекословить не стала. Тогда решили на неделе, в пятницу, перенести икону крестным ходом из Тюшева в Городище, в Георгиевскую церковь. Встречу иконы назначили после службы у места, которое в народе называлось Выемка.

В этот день из деревни Полтево пришла к нам на службу одна блаженная старица. Паша ее звали. Она была не глупая, а как-то по-детски простая. За эту простоту Господь ей многое открывал.

Вот пришла она и спрашивает старосту церкви:

— Анюта, у вас здесь все в порядке?

— Да, слава Богу, Паша, все хорошо. А что такое? Почему ты спрашиваешь?

— Сегодня во сне мне было видение, — ответила Паша, — из Тюшева в Городище прямо к церкви облако шло. Из этого облака пение ангельское слышалось. Потом оно до Выемки дошло и остановилось. А из пего Матерь Божия появилась.

— Пашенька, — сказала староста, да ведь это тебе за простоту твою Господь открыл, что сегодня к нам из Тюшева принесут чудотворную Боголюбскую икону Божией Матери.

В тот же день к четырем часам дня к селу Городище подошел крестный ход из Тюшева. На икону повесили простой медный крестик на ленточке. Женщины нарвали полевых цветов, сплели венок и украсили им святой образ. А навстречу вышел крестный ход из Георгиевской церкви. Торжественно шли, с хоругвями и песнопениями в честь Пресвятой Богородицы. Встретились у Выемки, где согласно видению блаженной Паши Божия Матерь из облака появилась.

Через некоторое время отец Авель решил подреставрировать Боголюбскую икону. Нашел художника и сказал ему, чтобы он подкрасил места от дверных скоб и подновил фон. Но в целом она должна остаться такой же, как и была.

— Пришел я принимать работу, — вспоминал отец Авель, — смотрю — икона вся перекрашена! А поскольку больших способностей у художника не было, то и получилось невесть что... Я даже забеспокоился, как бы народ не взроптал.

Закрыл икону скатертью. А на следующий день пришли люди из соседнего села с просьбой отслужить молебен о ниспослании дождя. Почему-то на поля именно этого села не выпадали дожди. Я положил на аналой небольшой список с Боголюбской иконы Божией Матери и хотел служить, но мне сказали, что молебен надо служить именно перед иконой из Тюшева.

— Так ведь она на реставрации, — говорю, — вон скатертью закрыта.

— Ну и пусть будет закрыта, — сказали мне, — нам и не обязательно ее видеть, мы ведь знаем, что это икона из Тюшева, и пусть перед ней будет служиться молебен.

Я согласился и стал служить. Как мне потом рассказали, именно в это время в том селе пошел дождь.

После этого икону перенесли в алтарь, но открывать пока не стали. Отец Авель надеялся, что найдется хороший художник и исправит ее. Но однажды произошел такой случай. Пришел в храм один старичок и после причастия попросил отца Авеля отслужить перед этой иконой молебен. Да так настойчиво попросил, что отец Авель согласился, но прежде решил освятить ее. «Может, художник, который ее замазал, блудником был», — подумал он. Вынесли икону для освящения, отец Авель приготовил требник, подошел к иконе. Взглянул на нее и обомлел — Боголюбская икона Божией Матери из села Тюшево приняла прежний вид.

Через несколько дней после этого случая приехал в Георгиевскую церковь архиепископ Рязанский и Касимовский Филарет. Зашел в алтарь, приложился ко кресту, потом подошел к иконе и долго-долго перед ней молился. Потом повернулся и сказал:

— Благословляю каждую пятницу служить перед ней молебен с акафистом.

— Сколько чудес свершалось на этих молебнах! — вспоминал архимандрит Авель. — Помню, привезли бесноватую женщину. Пытались приложить к иконе, но тщетно. Четверо здоровых мужчин не смогли подвести ее к Боголюбскому образу Божией Матери. Тогда я подумал: «Может, повесить на эту женщину крестик на ленточке, который был на этой иконе?» Я его хранил в коробочке в алтаре. Но только пошел за ним, как женщина взревела: «Не держите меня, дайте мне уйти! Он за арканом пошел, он на меня сейчас аркан повесит! Я не вынесу этого!»

Подумать только, ведь я никому ничего не сказал, лишь помыслил, а бес тут же узнал, что я за крестиком пошел. И завопил через эту женщину. Принес я крестик. С трудом, но все-таки его надели на женщину. И только после этого сумели к иконе подвести. Она, как только прикоснулась к чудотворному образу, сразу обмякла и исцелилась. Все у нее прошло.

Помню и другой случай. Однажды после Крещения я ходил по домам села Недостоево. Кропил избы святой водой. Зашел в один дом, а там одни дети, взрослых нет никого. Спрашиваю:

— Вы что же, одни дома-то?

— Да нет, мама с нами, — отвечают мне.

— А где ж она?

— Лежит в спальне.

Прохожу в спальню. Лежит женщина. Марией ее звали.

Спрашиваю:

— Мария, что с тобой?

— Парализовало меня, батюшка, после того, как я получила извещение о гибели мужа. Вот уже

несколько лет лежу парализованная.

И так мне стало жалко эту женщину и ее детей! Ведь я сам сирота, и у меня два брата и две сестры на воспитании.

— Что ж, Мария, — говорю, — у нас сегодня будет молебен перед чудотворной иконой. Будем молиться о твоем исцелении. А вы, детки, молитесь здесь, дома. Просите Богородицу о выздоровлении рабы Божией Марии.

А потом обратился к ее дочке и сказал, чтобы она пришла в храм за святым маслицем и помазала им своей маме ручки и ножки.

Когда пришел в Георгиевскую церковь, то со слезами рассказал обо всем настоятелю, отцу Василию. А он добрый, отзывчивый был человек. Перед началом молебна обратился к прихожанам и говорит:

— Братия и сестры! В соседнем селе находится женщина. У нее муж погиб. Ее парализовало. Остались без присмотра малые дети. Давайте перед чудотворной Боголюбской иконой Божией Матери помолимся о ее выздоровлении.

Прихожане молились усердно, прочувствованно. После молебна я дал девочке маслица.

Прошла неделя. Опять служили молебен перед чудотворной иконой. Подошла ко мне эта девочка и спрашивает маслица. Это было зимой. Вечер, полумрак. Я ее сразу не узнал, говорю:

— Детка, масло для лампад продастся за ящиком.

— Да мне не такого масла надо, — говорит она.

— А сливочного у нас нет, — пошутил я.

— Вы мне дайте маслица, того, что на прошлой педеле давали.

— Так ты дочка Марии? Как чувствует себя твоя мама?

— Да ничего, ходит, печку топит.

Я был крайне удивлен. Сколько лет женщина лежала парализованная… Значит, случилось чудо, и она выздоровела.

Глава V. Высшая мудрость — быть добрым

Уполномоченный меня обвинял, что я специально развожу голубей, чтобы привлекать в церковь молодежь.

Однажды шел отец Авель по селу Городище в дом, куда его позвали отслужить литию за упокой. Встретилась ему женщина — Анна Афанасьевна Фролова. Поздоровался он с ней и спрашивает:

— Куда идете, Анна Афанасьевна?

— К вам иду сообщить, что в Рязань Полюшка Захаровская приехала. И когда у нее народ собрался, она сказала: «Вот, все ко мне пришли: и блудники, и блудницы, и убийцы-абортницы.

Только отец Авель не пришел. Сходи, Нюша, попроси его прийти.

— Когда Анна Афанасьевна это сообщила, — вспоминал архимандрит Авель, — у меня прямо ноги подкосились. Никаких особых пороков я за собой не чувствовал, а тут думаю: «Неужели блаженной открылось, что скоро в каких-то пороках буду повинен? Так уж лучше мне не дожить до этого и раньше умереть».

На опыте, когда меня рукополагали во священники, я познал прозорливость Полюшки. А вот видеть эту блаженную старицу не доводилось.

— Так вы придете? — спросила Анна Афанасьевна.

— Скажи, что приду.

Поехал в Рязань, нашел дом, в котором она остановилась. Зашел. Полюшка принимала в полуподвальном помещении. Она была слепая, но когда я зашел, повернула ко мне лицо и сказала:

— Ну вот и отец Авель пришел, благослови меня, батюшка.

А я тогда подумал: «Это мне надо благословляться у этой праведницы, а не ей у меня». Полюшка словно прочитала мои мысли.

— Да не бойся ты, подойди, благослови, я жду.

Я подошел, благословил.

— Садись, — сказала она и указала на лавку, — да скажи, у вас там, в алтаре, акафист святителю Николаю есть?

— Есть.

— А преподобному Серафиму Саровскому?

— Есть, — отвечаю, а сам мысленно представляю шкаф, в котором лежали эти книжки. И она словно стояла у этого шкафа, все видела и в своих вопросах перечисляла их. Наивно спрашивала:

— А такая-то книжка есть? А такая-то есть?

Все книжки она называла в такой последовательности, в какой они стояли в шкафу. Все книжки перечислила. И не назвала таких, каких там не было.

В тот вечер она подтвердила, что поступать в Духовную семинарию мне благословения нет.

А в конце разговора сказала, обращаясь к такой же, как и она, слепой Дунюшке:

— Жалко мне отца Авеля, сердечко-то у него плохонькое.

— Никаких болезней я тогда за собой не знал, тем более болезни сердца. Но вскоре выяснилось, что сердце у меня действительно больное. Я его потом все время поддерживал лечением и, вспоминая Полюшкину прозорливость, не падал духом и молитвенно боролся с недугом.

В терпении болезней, сохранении жизнерадостности отцу Авелю помогала и его священническая практика. Сколько он видел одержимых тяжелыми недугами, страждущих людей!

— Однажды в соседнем с Городищем селом довелось мне причащать женщину, — рассказывал он. — Была она еще не старая, но по болезни скрюченная настолько, что коленки почти касались подбородка. Ходить она, конечно же, не могла. Так и лежала — вся скрюченная. Казалось бы, ну что это за жизнь такая?

Однако лицо у нее было просветленное, голосок бодрый, жизнерадостный. После причастия она поблагодарила Господа и говорит:

— Как же хорошо, батюшка, на свете жить!

Вот ведь что бывает, когда человек со Христом живет. А другие люди и здоровье имеют, и стены златом-серебром обложат, а все несчастными себя чувствуют. То у них не так, это у них не этак…

Сам же он не просто жил со Христом в душе, но безоглядно любил Его. И за эту живую любовь Господь даровал отцу Авелю особую благодать, которая явственно чувствовалась при общении с ним.

Поэтому прихожане Георгиевской церкви во множестве притекали за духовными советами именно к батюшке Авелю. Казалось бы, какое им было дело до молодого, не шибко грамотного священника? Однако его искреннее, простое сердце познало Христа лучше, чем некоторые просвещенные в вере, познавшие догматическое богословие умы выпускников Духовной академии. Он отличался отзывчивостью на житейские крестьянские нужды, был добр и всегда молитвенно настроен.

В одном из сборников православных духовных поучений говорится: «Высшая наука — быть мудрым, а высшая мудрость быть добрым».

Однажды пришла к отцу Авелю женщина и говорит:

— Батюшка, у меня сын голубей держит, а его призывают в армию. Я ума не приложу, кому отдать этих голубей?

— Что ж, отдайте их мне, я их буду содержать, — в простоте сердца ответил обремененный содержанием своих братьев и сестер двадцатилетний батюшка.

— Идет, бывало, после службы отец Авель по селу Городище, — рассказывала староста Георгиевской церкви матушка Анна, — а около него стайка детишек так и вьется, так и вьется. Знали, сорванцы, что у него для каждого лакомство припасено — кому конфетка, кому пряничек. И всех он призывал приходить в церковь, молиться.

Добрые, мудрые проповеди отца Авеля привлекали в Георгиевский храм множество прихожан. Потянулась на богослужения и молодежь, что особо обеспокоило атеистические власти.

Ревностного священника пытались запугать. Однажды комсомольские активисты ворвались в дом, где он проживал, схватили его и заперли в подполе…

Особых причин устранить отца Авеля с прихода не было, и дело доходило до смешного. Ему припомнили взятых на содержание голубей!

— Уполномоченный меня обвинял, — вспоминал архимандрит Авель, — что я привлекаю людей в церковь, и они вместо того, чтобы в колхоз идти работать, ходят на богослужения. Да еще специально развожу голубей, чтобы привлекать в церковь молодежь, что сбиваю ее с пути «истинного» — с атеизма.

В 1950 г. по настоянию рязанского уполномоченного по делам религий отцу Авелю предписали в двадцать четыре часа покинуть Рязанскую область. Он подчинился и уехал в Ярославль. Ярославской епархией к тому времени управлял владыка Димитрий (Градусов), духовный отец отца Авеля, а секретарем епархиального управления был его друг Борис Ротов, постриженный владыкой Димитрием в монахи с именем Никодим.

Глава VI. «Шарлатан XX века»

Власти обещали показать по телевизору последнего попа. Давление на священников было страшное. Некоторые не выдерживали и снимали с себя сан.

В феврале 1950 г. отцу Авелю было назначено служить в г. Угличе Ярославской области, в церкви во имя святого царевича Димитрия, зарезанного в 1591 г. Когда архимандрит Авель рассказывал об убийстве царевича, у него всегда дрожал голос:

— Убийца, Осип его звали, подошел к восьмилетнему ребенку на прогулке и попросил показать ожерелье. И мальчик простодушно вытянул шейку, чтобы ожерелье было лучше видно. Осип же полоснул по этой шейке ножом и побежал. Но, увидев, что царевич еще жив, подошли еще двое наемных убийц. Димитрия пыталась прикрыть своим телом кормилица. Ее отбросили в сторону и дорезали невинного мальчика, агнца Божия…

Жестоко убиенного царевича Димитрия архимандрит Авель очень почитал и наказывал молиться ему об избавлении России от всяких напастей.

Вскоре владыка Димитрий назначил отца Авеля настоятелем Смоленской церкви в селе Федоровское. Там молодого настоятеля в шутку прозвали «аввой».

В числе прихожан этой Смоленской церкви был Сергей Новиков, будущий митрополит Рязанский и Касимовский Симон. Новиков тогда работал начальником электроцеха на заводе, выпускавшем военную продукцию. Завод находился в поселке Волгострой, недалеко от села Федоровское.

— Однажды в субботу, — вспоминал митрополит Симон, — пошел я помолиться на всенощной и повидать нового батюшку — «авву». Псаломщик Павел Иванович, вдвоем с которым я пел на клиросе, сказал, что батюшка — молодой иеромонах и зовут его отцом Авелем.

После богослужения он вышел из алтаря, и я подошел к нему благословиться.

Так мы познакомились.

В то время они оба были молодые — отцу Авелю 23 года, Сергею Новикову — 22. Оба имели высокую духовную настроенность. Поэтому подружились. Как оказалось, на всю жизнь. Эта дружба стала для них настоящим сокровищем.

«Что может быть выше и драгоценнее того, — писал св. Амвросий Медиоланский, — как когда ты имеешь возможность открыть свое сердце, поделиться тайнами, поведать сокровенное? Что может быть утешительнее, когда ты имеешь искренне преданного тебе

человека, который в счастье тебе сорадуется, в несчастии состраждет, в гонениях подает тебе совет и утешение».

Сергей Новиков поведал своему другу и духовному наставнику о сокровенном желании — поступить в Духовную семинарию и стать священником.

— Знаешь, Сережа, — сказал тогда отец Авель, — я тоже когда-то мечтал о духовном образовании, но владыка Димитрий не благословил. Борю Ротова, ныне дьякона Никодима, благословил, а меня нет. Ротов, как сказал владыка, «…будет занимать такую ответственную должность, что ему будет некогда помолиться за себя. А ты молись, молись за него, как за самого себя, даже больше, чем за себя!»

И хоть я очень желал учиться, владыка Димитрий мне прямо-таки запретил.

А о тебе я обязательно с ним поговорю и дам рекомендацию на поступление.

Для того чтобы удостовериться в правильности своего решения, Сергей Новиков по совету родителей поехал благословиться у одного блаженного из Ярославской епархии. И тогда с ним случилось чудесное знамение. Митрополит Симон вспоминал об этом случае, как о Божием Промысле.

— Приехал я к блаженному, — рассказывал владыка, — он меня благословил небольшой бумажной иконкой. На обратной дороге я долго ее рассматривал, но так и не понял, какой святой изображен на ней. И только впоследствии узнал, что это была иконка святителя Василия Рязанского.

Таким образом блаженный предсказал молодому начальнику электроцеха архиерейское служение на Рязанской кафедре.

Можно предположить, что про изображение на иконе именно святителя Василия Рязанского сказал Сергею Новикову отец Авель. Он тогда много говорил об этом святом в своих проповедях. Митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, который в те годы был алтарником Федоровского собора в Ярославле, вспоминал:

— Простое, доброе слово отца Авеля глубоко западало в душу и согревало сердце человека. Будучи иеромонахом, он в ярославских церквях рассказывал о святителе Василии Рязанском, и так трогательны были эти рассказы, что я никогда не забывал о подвиге этого святителя.

Но за добрые, мудрые проповеди отец Авель опять пострадал от безбожных властей. В прессе началась его травля. В областной ярославской газете про него на весь разворот напечатали статью «Шарлатан XX века». В ней говорилось, что настоятель Смоленской церкви иеромонах Авель пьяница, человек аморальный и вообще не верует в Бога, а только притворяется… Тогда временно управляющим епархией являлся епископ Угличский Исайя (Ковалев). Он очень любил отца Авеля. Вызвал его к себе.

— Когда я зашел к нему, — вспоминал архимандрит Авель, — то увидел, что он плачет.

— Владыка, почему вы плачете?

Вот, почитай, что о тебе здесь пишут, — и показывает мне газету со статьей «Шарлатан XX века».

— Так это же не смертный приговор. Не боюсь я этой клеветы. А вот вы поберегите себя. Не

вступайте в спор с клеветниками. Вы же больной человек, а власти могут лишить вас должности и средств к существованию.

— Так ведь тебе после этой статьи не дадут нигде служить. И ни на какую работу не примут.

— Знаю. Но не боюсь. Отпустите меня с Богом в Рязань. Там живут два моих брата и две сестры. Уж они-то с голоду умереть не дадут. Каждый из них мне в день по куску хлеба даст. Один на завтрак, другой на обед, третий на ужин, а четвертый кусок я буду отдавать такому же нищему, как и я.

Умел отец Авель в тяжелых ситуациях сохранять юмор, а главное — во всем он полагался на волю Божию.

Несколько лет уполномоченные по делам религий не давали ему служить.

— Они надеялись, — вспоминал архимандрит Авель, — что я озлоблюсь на советскую власть и примкну к ее врагам.

Когда же увидели, что этого не происходит, стали склонять на свою сторону. Посулили хорошую работу, высокооплачиваемую должность, лишь бы я публично отрекся от Бога. А я говорил, что никогда не отрекусь от Того, Кого я любил и люблю.

Это было время гонений Хрущева на церковь. Он обещал вскорости показать по телевизору последнего попа. Давление на священников оказывали страшное. Некоторые не выдерживали, снимали с себя сан и публично, через газеты, радио и телевидение, отрекались от веры. Про них можно сказать словами апостола Иоанна Богослова: «Они вышли от нас, но не были наши».

Я же на допросах уполномоченного всегда говорил, что хотя политические события в нашей стране могут меняться, однако как священнослужитель я всегда буду воспитывать в людях патриотизм, любовь к Родине, к своему Отечеству для того, чтобы они стали достойными гражданами Отечества Небесного.

А все происходящее со мной воспринимал как волю Божию. Никому не завидовал и, по слову преподобного Амвросия Оптинского, никого не осуждал, никому не досаждал и — всем мое почтение. Потому чувствовал себя счастливым человеком. Хотя, конечно, очень тяжело было мне, священнику, не служить в Божием храме.

В 1960 г. отец Авель рассказал о своем положении другу детства митрополиту Никодиму (Борису Ротову). Он тогда занимал пост председателя Отдела внешних церковных сношений, являлся правой рукой Патриарха и имел авторитет среди представителей государственной власти. Владыка Никодим, конечно же, проникся печальным положением своего товарища и помог ему стать служащим священником Христорождественской церкви села Борец Сараевского района. В этом районе тогда активно действовала «Церковь истинно православных христиан». Они не признавали священства. Как говорил отец Авель:

— Там женщины сами крестили, венчали и отпевали. Правда, когда открылся Христорождественский храм, многие покаялись, стали отходить от этой секты. А служить мне в нем пришлось недолго — один год. После были другие священники. а вот с 1964 по 1965 год в Христорождественской церкви села Борец служил отец Иоанн Крестьянкин, ставший впоследствии архимандритом Псково-Печерской лавры, великим всероссийским старцем.

Глава VII. Долгожданная виза

Сама Богородица зовет меня: «Иди, потрудись в Моем саду». Как же я Ей отвечу? Мол, не хочу, мне и дома, в России, хорошо?

Рассказывая про одну из встреч с владыкой Никодимом, архимандрит Авель говорил:

— Мы вспоминали детские годы, совместные молитвы в Скорбященской церкви и остановки по дороге в село Никуличи Вифлеем, Иерусалим, Гефсиманский Сад. Вспомнили, как мечтали найти духоносного старца, который пострижет нас в монахи. Как хотели выкопать пещерку, жить в ней — подальше от суеты — и молиться…

Ближе к полуночи мы задумчиво замолчали. Через некоторое время владыка Никодим вдруг, вспомнив прозвище, которое дал мне владыка Димитрий (Градусов), тихо окликнул:

— Старец, а старец…

— Что тебе? — отвечаю.

— Я ведь на Афоне недавно был.

— Во сне, что ли?

— Да нет, наяву.

И он рассказал, что по долгу службы был в Иерусалиме, а обратно проезжал через Грецию и побывал на Афоне. Там он увидел страшное запустение. Русский Свято-Пантелеимонов монастырь вымирает. Самому молодому насельнику — семьдесят лет, другим — под сто, и они уже не встают с кроватей. А греческие власти ждут их смерти, чтобы взять русский монастырь в свою собственность.

По приезде в Москву владыка Никодим рассказал об этой ситуации Святейшему Патриарху Пимену и сделал доклад на Священном Синоде. После чего он с большим трудом, но все-таки убедил советские власти в том, что Пантелеймонов монастырь на Афоне — это единственный очаг древней русской культуры на Балканах. Поэтому его надо во что бы то ни стало сохранить.

— Сейчас мы активно готовим пополнение на Афон. — сказал владыка Никодим отцу Авелю, — может быть, и ты хочешь поехать туда?

— Как же мне не хотеть поехать в удел Божией Матери, — ответил он, — твое предложение это же Божий Промысел, ведь это Сама Богородица зовет меня: «Иди, потрудись в Моем саду». Как же я Ей отвечу? Мол, не хочу, мне и дома, в России, хорошо?

В 1960 г. иеромонаха Авеля внесли в список новых насельников Свято-Пантелеймонова монастыря на Афоне. Но целых десять лет пришлось ему ждать разрешения на выезд из Советского Союза.

— Здесь, в России, меня проверяли на благонадежность, вспоминал отец Авель, — как бы чего я лишнего не сказал за границей о свободе Церкви и вероисповедания. А в Греции опасались, как бы я коммунистом не оказался, боялись проникновения в их страну коммунистического влияния. Вот и исследовали с двух сторон.

С января 1960 г. он стал служить в Борисоглебском соборе.

Борисоглебский собор, древняя рязанская святыня, был закрыт безбожными властями в 1935 г.

Но в 1946 г. владыка Димитрий добился разрешения проводить в нем богослужения. Документ о его открытии он получил 22 июня, накануне празднования памяти святителя Василия Рязанского. В этот день он пришел в Скорбященскую церковь и со слезами на глазах рассказал об этом священникам, отмстив несомненное предстательство святителя Василия перед Богом об открытии Борисоглебской церкви.

Конечно, это не было случайностью. Ведь именно в Борисоглебском храме служил святитель Василий Рязанский. К нему он чудесным образом приплыл по Оке и ее притоку Трубежу на мантии из Старой Рязани, разоренной татарами.

— По преданию, — говорил архимандрит Авель, — за неделю до этого события сторож Борисоглебского храма особо тщательно подметал его и убирал территорию вокруг. Когда же священники спросили, почему он так хлопочет, сторож ответил: «Великий гость скоро прибудет сюда». Так и случилось.

Когда отец Авель стал священником Борисоглебского собора, жизнеописание святителя Василия передавалось из уст в уста, поскольку церковных книг в то время не печатали, а те, что остались от старого времени, можно было по пальцам пересчитать.

Потому отец Авель при всяком удобном случае напоминал рязанцам об их небесном покровителе.

После передачи Борисоглебского собора Рязанской епархии в него перенесли спасенные от безбожников иконы из разоренных рязанских монастырей, в том числе чудотворную Феодоровскую икону Божией Матери из Троицкого монастыря.

Архимандрит Авель вспоминал рассказ о том, как незадолго до закрытия монастыря староста Георгиевской церкви села Городище приехала туда помолиться перед Феодоровской иконой:

— Хотела она написать записку о здравии родных, а помянник-то дома забыла. «Ну ничего, думает, ведь я грамотная, возьму бумагу, карандаш и запишу имена своих родственников». Вдруг подходит к ней Нюша блаженная, которая предсказала мое рукоположение, и говорит: «Я поминание дома забыла. Ну ничего, ведь я грамотная, возьму бумагу, карандаш и запишу имена своих родственников». Так все ее мысли и пересказала.

Осенью 1966 г. тяжело заболела блаженная Пелагея Захаровская, жившая к тому времени в Москве. Отец Авель ездил к ней, причащал. А соборовал старицу служивший вместе с ним в Борисоглебском соборе протоиерей Виктор Шиповальников.

В декабре Полюшка умерла. Хоронить ее, согласно завещанию, повезли на захаровскую землю. А отпевали в Борисоглебском соборе. На улице было морозно, холодно, но, несмотря на это, провожать блаженную старицу в последний путь собралось множество людей. Среди них были и крестьяне, и рабочие, и интеллигенция. Разные по своему социальному положению, они объединились в человеческой скорби о потере этой молитвенницы. И в то же время духовно радовались о том, что она будет предстоять за них пред престолом Божиим.

Отпевал блаженную Пелагею Захаровскую отец Виктор Шиповальников. Человек необычайной доброты и искренности, он в конце 1970-х годов был подвергнут гонениям за то, что отказался сотрудничать с КГБ. Отец Виктор не стал по просьбе этого ведомства писать в «Журнал

Московской Патриархии» статью против Александра Солженицына, бывшего тогда членом Рязанского отделения Союза писателей СССР.

Вообще время, в которое отец Авель был священником Борисоглебского собора, было, как мы уже говорили, временем тяжелого давления на Церковь. Даже ремонт обветшавших храмов не разрешалось производить.

— Тогда в епархиальном управлении, — вспоминал архимандрит Авель, — работала бухгалтером инокиня Фива (Климентовская). Так вот, ее и секретаря епархиального управления отца Константина Гаврилова привлекли к суду. А обвинялито за что? За то, что они без разрешения уполномоченного приобрели кровельное железо для ремонта храмов. В уголовном деле так прямо и было записано. Приговорили их за это к пяти годам лишения свободы. К пяти годам! Но Господь сотворил чудо. По негласному распоряжению рязанского архиепископа Бориса (Скворцова) за осужденных молились во всех храмах города Рязани. И Верховный суд РСФСР, рассмотрев кассацию, оправдал их.

В 1969 г. отца Авеля назначили настоятелем Борисоглебского собора.

А в 1970 году он наконец-то получил долгожданную визу для поездки в Грецию, на Святую гору Афон.

— Я чувствовал, — вспоминал он, — что меня Сама Божия Матерь на Афон, в Свой удел, призывает. И когда меня отговаривали от поездки, объяснял, что я послушник Божией Матери и буду выполнять Ее святую волю.

В списке уезжавших на Афон монахов первоначально был и сомолитвенник отца Авеля митрополит Симон, бывший тогда в сане иеромонаха.

— Но с тех пор, как мое имя оказалось в списке, вспоминал митрополит Симон, — я стал тосковать, удивляясь самому себе. Но тоска овладевала мной все больше и больше. Я вспомнил, что в детстве не мог переночевать даже одной ночи в чужом доме…

Так вот и теперь. Я почувствовал, что на Афоне, вдали от родных, жить не смогу.

По просьбе отца Симона его из списков убрали, о чем он потом пожалел. Вскоре ему пришлось читать лекцию в Московской Духовной академии. Лекция была… об Афоне.

— Она прошла успешно, — вспоминал митрополит Симон. Кажется, все остались довольны, кроме одного меня. Если бы я поехал жить на Афон, то мне пришлось бы писать лекцию жизнью своей, своими скорбями.

Так сокрушался он о своем малодушии. Так умел каяться…

Глава VIII. Послушники Божией Матери

Порой часа два спали где-нибудь под деревом… Проснешься под утро, глянешь в небо, а там Матерь Божия нас благословляет.

Как уже говорилось, список отъезжавших на Афон для пополнения насельников русского Свято-Пантелеимонова монастыря составлялся еще в 1960 г. В него внесли 18 человек. Но в июле 1964 г. из Греции пришло разрешение на въезд только для пятерых. И лишь через год четверо из них смогли выехать на Афон. Все они были монахами Псково-Печерского монастыря. Греческие власти приняли их с нескрываемым раздражением. Поселили не в

братских корпусах, а вместе с туристами. Полицейские постоянно проводили у монахов из России досмотр чемоданов на предмет наличия коммунистической литературы либо чего еще запрещенного.

В то время в Греции правила хунта «черных полковников», свергнувших законную власть короля. А на Афоне за литургией все равно поминали «благочестивого короля Константина, королеву Анну-Марию и весь королевский двор». Потому новые властители всячески препятствовали нормальной жизни в афонских монастырях и особенно в русском Свято-Пантелеимоновом, который мечтали экспроприировать.

Один из прибывших русских монахов не выдержал трудностей и уехал. В монастыре осталось только трос новых насельников: отец Досифей (Сороченков), отец Сергий (Маркелов) и отец Ипполит (Халин), с которым у отца Авеля сразу сложились теплые, братские отношения. Батюшка Авель прибыл в Свято-Пантелеимонов монастырь в феврале 1970 года. Монастырем управлял тогда игумен Илиан, из монахов Глинской пустыни. На Святой горе Афон он находился еще с дореволюционных времен, аж с 1904 г.

— Это был старец святой жизни, — говорил отец Авель. Он принял меня как родного. Первым делом благословил приложиться к честной главе целителя Пантелеймона.

Потом он исповедовал меня и попросил:

— Отслужи-ка ты, батюшка, сегодняшнюю литургию.

— Так ведь я в дороге пищу вкушал. Мне же причащаться нельзя.

— За послушание отслужи. Благословляю. И весь монастырь благословляю сегодня причаститься. После литургии отец Илиан подвел меня к трону игумена и говорит:

— Это мое место, а рядом — твое.

И указал на сидение, которое по-гречески называется стасидия. Потом старые монахи объяснили мне, что это было место для преемников игуменов.

— К чему бы мне такая честь? — подумал я тогда.

И только через год отец Авель понял, что таким образом схиархимандрит Илиан предсказал, что после него игуменом монастыря станет он.

Случилось это так. В 1971 г. старец Илиан скончался. Ушел из жизни последний из представителей дореволюционной, царской России. По афонской традиции стали выбирать нового игумена, то есть настоятеля Свято-Пантелеимонова монастыря. Избирали жребием из трех кандидатов. Их имена написали на бумажках, которые положили в ковчег со святыми мощами. Потом поставили его на святой престол и стали всем монастырем молиться Божией Матери, чтобы Она указала на Своего избранника.

После литургии самый старый схимник вытянул записку. В ней было имя архимандрита Авеля. Но по афонскому Уставу настоятелем монастыря мог стать только тот, кто прожил на Святой горе не менее трех лет. А отец Авель пробыл па ней только год. Что делать? Обратились в Священный Кинот — духовное управление Афона. Там состоявшиеся выборы отменять не решились, ведь они проходили в молитвах к Пресвятой Богородице. Тогда при молодом игумене назначили регента — самого авторитетного старца архимандрита Гавриила. Таким образом и сложившуюся традицию не нарушили. и выборы признали.

На поставление отца Авеля во игумена Свято-Пантелеимонова монастыря собралось необычайно много представителей духовной власти. Приехали из всех двадцати монастырей Святой горы. По афонской традиции возведение во игумена приравнивается к архиерейской хиротонии. Потому архимандрита Авеля облачили в епископскую мантию, знак архиерейской власти, данной Самой Царицей Небесной. После этого вручили архиерейский жезл.

Но чем больше духовной власти он получил, тем больше обязанностей легло на его плечи. Решал внутренние монастырские дела, принимал греческие и иностранные правительственные делегации, участвовал в решении внешних проблем, возникавших между афонскими монастырями.

На Афоне игумены являются и казначеями. Только они имеют доступ к монастырским деньгам. Поэтому отец Авель отвечал и за экономическое состояние монастыря.

Но главным в деятельности игуменов является духовничество. Ведь они как настоятели должны следить не только за внешним монастырским благоустроением, но прежде всего за внутренней духовной жизнью монахов.

Тяжело давалось отцу Авелю несение игуменского послушания. Да еще при больном сердце.

— Ведь на Афоне жара, — рассказывал он, — круглый год жара. Да еще влажность. Служишь у престола, а пот прямо струями течет. Белье все насквозь мокрое было. Приходил после службы в келью, замачивал его, только постирать собирался, а меня уж вызывают — приехал человек от афонского губернатора. Только с ним поговоришь, попрощаешься, другие являются. То послы, то бизнесмены, то еще кто-нибудь. А там уж в колокол ударили, пора на вечернюю службу собираться.

А ночью на Афоне служат литургию. Почти вся ночь в молитвах проходила.

Однажды секретарь афонского губернатора, как бы желая помочь монастырю, предложил мне принять на послушание греков. А я-то понимал, что он таким образом хочет русский монастырь потихоньку сделать греческим.

Прикинулся наивным и говорю:

— Господин, я человек молодой, неопытный. Как я могу принять благочестивых греков? Чему могу научить этих овец? Мне бы хватило сил со своими «козлами» справиться. Да и привык я пасти однородное стадо. То есть русских…

Тяжелые послушания приходилось нести не только отцу игумену, но и всем монахам, поскольку они поднимали обитель после страшного пожара, случившегося за год до приезда туда батюшки Авеля.

Архимандрит Ипполит так вспоминал о том времени:

— На Афоне мы много трудились на послушаниях. Восстанавливая обитель, и камни тяжелые ворочали, и мешки с цементом на себе таскали, и раствор замешивали, и штукатурили.

Порой не хватало сил добраться до кельи. Часа два спали где-нибудь под деревом. Проснешься под утро, глянешь в небо, а там Матерь Божия нас благословляет. С радостью поднимаешься с земли и начинаешь молитву творить и работать дальше…

Когда плохо бывало, придешь на могилку к какому-нибудь подвижнику, отслужишь панихидку,

смотришь — и сила возобновилась. Особенно молились о помощи тогда еще не прославленному старцу Силуану Афонскому.

Великий афонский подвижник схимонах Силуан отошел ко Господу за тридцать пять лет до приезда на Святую гору отца Авеля.

По традиции через три года после кончины останки умерших на Афоне монахов откапывают. Если они сохраняются нетленными, то считается, что умерший много согрешал и потому земля не принимает его тело. Тогда останки вновь закапывают и усиленно молятся о прощении грехов умершего.

Святость же того или иного подвижника определяют по цвету костей. Считается, что чем они светлее, тем праведнее была жизнь подвижника. Мощи Силуана Афонского были обретены очень светлыми. Его честную главу поместили в братскую костницу. Там она заблагоухала. По молитвам перед этой святыней стало происходить много чудес. Слава о них разнеслась далеко за пределы Афона.

— Кто-то из русских паломников, — рассказывал отец Авель, — очень захотел иметь эту святыню при себе. Да так сильно захотел, что выкрал главу Силуана Афонского. Но со Святой горы вывозить ничего не разрешается, кроме церковной утвари, продающейся в церковных лавках. Потому на афонской таможне похитителя задержали, а святыню вернули в монастырь.

Я тогда решил в костнице главу не хранить. Поместил ее в дорогую, обшитую бархатом коробку и держал в алтаре Покровского собора.

Узнав об этом, паломники стали то и дело просить меня показать благоухающую главу Силуана Афонского.

Я не отказывал. Пусть приложатся к святыне, помолятся перед воплощением праведности.

А уж как благоухала-то глава! Это не передать словами…

Множество паломников стало тогда стекаться в Свято-Пантелеимонов монастырь. Особенно русских эмигрантов из разных стран. Помню, как на яхте приплыл граф Шереметьев. К нам, монахам из коммунистического Советского Союза, отнесся весьма высокомерно. Я бы даже сказал, с презрением. Но, несмотря на это, мы приняли его радушно. Собрали трапезу, во время которой на русском языке читались жития святых. Показали монастырскую библиотеку. Она была очень большая. В ней находились редчайшие книги, даже ветхозаветные рукописи хранились.

Встреча прошла просто, тепло, по-доброму.

Когда же стали провожать графа Шереметьева, то он на монастырской пристани вдруг встал на колени, поцеловал мне руку и со слезами сказал: «Спасибо вам, я здесь словно на родине, в России, побывал».

Вот тогда я особенно остро почувствовал величие русского духа. Русская речь, добродушие, простота, которых мы не замечаем, вернули графу ощущение Родины, России. И он заплакал, не стесняясь своих слез…

В 1978 г. на Афон пришла телеграмма из Советского Союза с извещением о смерти председателя Отдела внешних церковных сношений, митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима (Ротова).

— Мне очень хотелось поехать на похороны своего друга, но на выезд не надеялся. Уже был случай, когда в 1977 году я хотел выехать в Россию на торжества по поводу 60-летия восстановления патриаршества. Однако греческие власти так затянули оформление документов, что я отказался от поездки, поскольку опаздывал на эти торжества.

Помня этот случай, я не стал подавать прошение на выезд в Россию для участия в похоронах митрополита Никодима.

Ночью отслужил литургию, стал совершать панихиду по новопреставленному. Вдруг в храм вбегает дежурный и говорит: «Батюшка, вас к телефону. Советское консульство в Салониках разрешает Вам выехать в Россию».

Я тогда подумал: «Вот, чудо какое! На торжества визу не дали, как ни просил, а на похороны безо всяких просьб дали! Наверное, это Божий знак какой-то...»

Перед отъездом собрал монастырскую братию и попрощался:

— Я бы желал жить и умереть на Афоне, но на все воля Божия. Уезжаю... Вместо меня будет архимандрит Иеремия, батюшка хороший, серьезный. Повинуйтесь ему, как и мне повиновались, а там как Господь управит.

Сказал я так потому, что чувствовал себя очень плохо. Жаркая афонская погода, влажность отрицательно сказались на моем сердце. И, уезжая, я боялся не перенести похорон моего друга — митрополита Никодима. Он ведь был мне и друг и брат и, являясь митрополитом, господином моим.

Архимандрит Авель покидал Афон после восьми лет неустанного духовного подвига, увенчавшегося спасением Свято-Пантелеимонова монастыря от запустения. А на Русь он увозил древние традиции афонского старчества, которые в своем игуменском служении познал на опыте, По-видимому, потому и позвала Божия Матерь отца Авеля в Свой первый удел, чтобы духовно обогащенным вернуть в Россию, где в скором времени должны были произойти перемены, которые возродят Православную Церковь в ее величии.

Но прежде необходимо было совершить второе Крещение Руси, которая за годы правления безбожных властей превратилась в страну атеистов.

Русский народ необходимо было заново воцерковлять. Отец Авель прибыл на Родину, чтобы потрудиться ради его духовного возрождения. Прибыл, чтобы применить афонский опыт духовничества не только в отношении монахов, но и многих сотен мирских людей, нуждавшихся в духовном окормлении. И в этом был Божий Промысл.

Глава IX. Ревнитель памяти блаженных

Блаженная Любушка тогда еще не была прославлена, но на ее могилке происходили чудеса.

Как-то шли мы с Борей Ротовым, — рассказывал архимандрит Авель, — из Скорбященской церкви, а он и говорит:

— Я во сне апостола Павла видел. Он сказал, что будет меня сопровождать и научать.

— Что ж он, — спросил я, — прямо так и сказал, что он апостол Павел? А может, это ангел был?

— Нет, — ответил он, — ангела я не видел. Просто почувствовал, что это апостол Павел явился.

Спустя много лет, когда я слушал проповеди митрополита Никодима, я вспоминал этот разговор. Он так произносил проповедь, что мне казалось, что его научает сам апостол Павел. Так случилось, что и умер он в том же месте, где принял мученическую смерть апостол Павел.

А кроме того, кончина митрополита Никодима говорит о том, что он находился под особым покровом Божией Матери. Ведь умер он в день отдания праздника Успения Божией Матери. Этот праздник Русская Церковь празднует 5 сентября. А хоронили его 10 сентября, когда он празднуется на Афоне. Умер как русский, а хоронили как афонца. И это не случайно. Ведь это именно благодаря его стараниям русский Свято-Пантелеймонов монастырь не закрыли.

Восемь раз бывал владыка Никодим на Святой горе Афон. Греки про него говорили: «Это наш, святогорец».

А когда я прибыл на Афон, то возмечтал прожить на нем всю жизнь и умереть в этом уделе Божией Матери. А игумен Илия прозорливый был. Вот он однажды мне и говорит:

— Знаю я одного иеромонаха, духовно настроенного. Приехал он к нам, чтобы здесь и умереть. А Господь ему другой жребий уготовил, и пришлось этому иеромонаху уехать обратно, чтобы исполнять волю Божию в другом месте.

Я тогда не понял, зачем он это мне сказал. Но прошла примерно неделя, и он снова повторил рассказ об уехавшем иеромонахе. А через некоторое время опять его пересказал…

Я подумал, что отец Илия на старости лет заговариваться начал. Слушал его и не понимал, что его слова относятся ко мне. Думал, он говорит о каком-то другом иеромонахе.

И лишь через восемь лет, когда вернулся в Россию, вспомнил его предсказание.

После похорон владыки Никодима я сильно заболел, и мне не разрешили вновь выехать на Афон.

В июне 1979 г. архимандрита Авеля назначают почетным настоятелем Борисоглебского собора г. Рязани.

К нему на службу стекалось множество народа. Но из своих духовных чад он особенно выделял монахиню Февронию, в миру Елену Арсеньевну Масалитинову. Дворянка по происхождению, эта женщина отличалась высокой образованностью, в совершенстве знала классическую литературу. Но более всего любила читать жития святых. За горячее почитание Своих угодников Господь сподобил матушку Февронию составить житие блаженной Любови Рязанской (Любови Семеновны Сухановской), похороненной на Скорбященском кладбище.

К тому времени на ее могилке стало происходить много чудес. Однажды прихожане Скорбященской церкви и вовсе не узнали место упокоения блаженной. На могилке был поставлен новый крест и красивая металлическая оградка. Вскоре выяснилось, что это сделал приехавший издалека военный человек. Он очень тяжело болел. Врачи ничем не могли помочь. Но вдруг во сне ему явилась некая девица и сказала: «Поезжай в Рязань, найди могилку Любови Семеновны Сухановской, поставь новый крест и оградку, и получишь исцеление». Когда он приехал в Рязань, то узнал, что ему являлась сама блаженная Любушка. Он сделал так, как она повелела, и получил исцеление.

Матушка Феврония записывала рассказы про жизнь Любови Рязанской и про чудеса,

происходившие по молитвам к ней. Постепенно составился сборничек, который и лег в основу первого жизнеописания блаженной. Отец Авель ревностно относился к памяти всех рязанских блаженных, а Любушку почитал особенно.

— Любушкин подвиг, — говорил он, — это подвиг смирения, терпения и любви. Причем эти качества проявились у нес с детства, когда она лежала парализованная, не могла ходить. Ведь Любушка не озлобилась на жизнь, не сказала матери, зачем, мол, ты меня, такую несчастную, родила.

Не завидовала тем, кто мог бегать, прыгать, танцевать. Она смирилась со своей участью, поняла, что это испытание дано ей от Бога. И вот, когда Господь увидел, что она истинная Его послушница, то послал к ней святителя Николая, который мгновенно ее исцелил.

Но, подняв Любушку на ноги, он не сказал: «Иди, веселись, танцуй». Нет, он предложил ей принять вид глупой, юродивой девицы и под этим видом говорить людям правду об их бедственном положении.

И Любушка приняла это как волю Божию и стала юродствовать. Ей был дан дар видеть будущее как настоящее и таким образом предостерегать людей от опасностей.

В 1987 г. блаженную Любовь Рязанскую прославили в соборе местночтимых святых Рязанской епархии.

Архимандрит Авель очень почитал и другую блаженную — Пелагею Захаровскую.

— Еще при ее жизни, — говорил отец Авель, — мне довелось побывать в Захарове, встретиться с Петром и Анастасией Орловыми. У них она тогда жила, и они ухаживали за ней, как дочь с сыном.

Орловы мне рассказали, что бывали случаи, когда Полюшка просыпалась рано утром, часов в пять, и будила Анастасию. «Настя, вставай скорее, затопляй печь, ставь самовар, к нам гости едут». Это значит, она заранее знала, что к ней прибудут люди за духовным советом. А то, бывало, наоборот, говорит, чтобы Настя запирала скорее дверь. Это значило, что к ним собрался прийти человек с недобрыми намерениями. А народу-то к ней всегда ходило много. Ведь за ее праведность Господь дал ей дар излечивать тяжелые болезни. Никакими травками, никакими наговорами она не пользовалась. Только, бывало, выслушает и скажет: «А тебе надо покаяться. За грехи твои ты так страдаешь». И наказывала отслужить молебен. Называла имя святого, которому надо его отслужить, и сама молилась о здравии болящего.

А сама-то ведь была слепая, ни читать, ни писать не умела. Однако по ее молитвам Господь излечивал болящих.

В 1990-х годах архиепископом Рязанским и Касимовским Симоном (Новиковым) были подготовлены документы для ее канонизации в лике местночтимых святых Рязанской епархии. Однако Священный Синод отклонил предложение о канонизации блаженной Пелагеи Захаровской.

Архимандрит Авель опечалился, но, как и всегда, положился на волю Божию.

— Значит, еще не время, — говорил он, — что поделаешь, если о ней в псевдоправославной газете «Жизнь вечная» такие «воспоминания» написаны, что иначе, как колдуньей Полюшку не назовешь. Только все, что там понаписано, — неправда. Петр Глазунов — основной автор «воспоминаний» — находится в духовной прелести. Я его с юности хорошо знаю. Очень жаль,

что своими действиями он помешал канонизации Пелагеи Захаровской, с которой я лично был знаком и о которой могу свидетельствовать, что она — святой человек. И когда из Московской Патриархии был сделан запрос на мое имя, то я подтвердил, что блаженная Пелагея Захаровская достойна канонизации.

О праведности Полюшки могли сказать и хорошо ее знавшие архиепископ Чувашский и Чебоксарский Варнава, и приснопамятные архиепископ Глеб (Орлов), наместник Троице-Сергиевой лавры архимандрит Иероним (Зиновьев), протодиакон Павел Смирнов и другие известные в Русской Православной Церкви люди.

Но в те годы на страницах газеты «Жизнь вечная» имя Полюшки как только не склонялось. И тогда мой близкий друг и сомолитвенник, постоянный член Священного Синода, митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий сказал, что в этих условиях вопрос о канонизации следует отложить. Я с ним согласился. На все воля Божия… Думается, время придет, и ее все-таки канонизируют.

Глава X. Молитвами настоятелей

— Любая баба, подоив корову, молоко для хранения наливает в чистую, вымытую посуду. А мы хотим благодать Божию налить в сосуд своей неочищенной души.

В 1989 г., после долгих переговоров, Рязанской епархии передали Иоанно-Богословский мужской монастырь.

В каком же ужасном виде он находился! Успенская церковь была превращена в гараж для тракторов, в Иоанно-Богословский храм заходили пощипать травку овцы. В колокольне до передачи монастыря хранились горюче-смазочные материалы, которые однажды взорвались. Только чудом уцелела колокольня. Ныне об этом случае напоминает страшный шрам — трещина с северной стороны.

Первым строителем обители стал архимандрит Иосиф (Братищев), впоследствии наместник Преображенского монастыря на Соловках.

Вскоре за восстановление порушенной святыни с упованием на Божию помощь принялся назначенный ее наместником архимандрит Авель.

В том, что именно он стал управлять Иоанно-Богословским монастырем, был явный Божий Промысл и предстательство последнего настоятеля этой обители архимандрита Зосимы (Мусатова), арестованного в 1930 г.

Отец Авель так вспоминал о своей духовной связи с отцом Зосимой:

— В 1947 г. меня назначили настоятелем Георгиевской церкви села Городище. Однажды после службы попросили послужить панихиду на кладбище села Ходынино по архимандриту Зосиме. Я спрашиваю у прихожан:

— А кто он такой? Последний настоятель вашей церкви?

— Нет, — отвечают мне, — это не наш батюшка, это последний наместник Богословского монастыря.

У меня сердце прямо-таки встрепенулось. Отслужил панихиду и мысленно обратился к отцу Зосиме. Говорю ему: «Батюшка, вот ты монах, в монастыре жил, я тоже монах, а живу в миру.

А, как я знаю, когда будет Страшный Суд, все монахи станут при монастырях и каждый игумен скажет, как Христос своим ученикам: «Вот я и дети, которых дал мне Бог». А я в каком монастыре буду? Прошу тебя, батюшка, помолись, чтобы Господь причислил меня после смерти к братии Богословского монастыря». И вот, когда пришло время открывать монастырь, то молитвами отца Зосимы меня назначили его наместником. Я-то думал хоть после смерти стать причисленным к монастырю, а Господь сподобил меня этого при жизни. Архимандрит Зосима был последним наместником, а я стал его преемником. Этот случай показывает, какое дерзновение пред Господом имеет молитва архимандрита Зосимы. Попросил я его помолиться за меня, и мое желание исполнилось.

После передачи монастыря в нем сразу начались восстановительные работы. Алтарь Иоанно-Богословского храма был завален землей. Когда стали откапывать его, то пришли в ужас. Там находилась целая гора человеческих костей и черепов! Архимандрит Авель узнал у милиционеров, что это останки монастырских монахов, отрытые безбожниками в поисках золотых крестов. Под алтарем соборного храма было складское помещение. Отец Авель распорядился очистить его и устроить там костницу.

— Однажды, — рассказывал он, — когда раскопки еще продолжались, иеродиакон Иоаким (Заякин) обнаружил у алтаря Богословской церкви какой-то штырь. Я приказал убрать его. Как бы кто не споткнулся. Стали выдергивать, а он не выдергивается. Стали подкапывать и обнаружили, что он вбит в бревно. А когда бревно вытащили, оказалось, там склеп находится, а в нем гроб стоит. Вытащили гроб. Он таким красивым оказался — зеленым сукном обит, золотым позументом обшит. Я подумал, что в нем находятся останки архимандрита Виталия, бывшего настоятелем монастыря в конце XIX века. Его очень любил благотворитель обители Хлудов, человек очень богатый. Потому я и подумал, что вот, наверное, он ему и гроб такой красивый сделал.

Но прихожанка монастыря, бабушка Мария, старенькая-старенькая, сказала, что это останки другого настоятеля — архимандрита Тихона, бывшего после отца Виталия.

— Я еще девочкой, — рассказала она, — была на похоронах отца Виталия. И помню, что его захоронили справа от могилы отца Тихона.

— Когда мы обрели останки двух настоятелей, то, конечно же, захотелось найти захоронение и третьего настоятеля, архимандрита Зосимы, молитвами которого я стал монахом Иоанно-Богословского монастыря.

Тогда мы с братией стали молиться об обретении его честных останков.

Поехали в Ходынино, где я когда-то на кладбище около разрушенной церкви служил по нему панихиду и просил предстательства перед Господом. А кладбища-то того уже не было! Ну осталось кое-что, а вообще к тому времени ходынинское кладбище стало новое.

Что делать? И опять, как и в случае с захоронениями отцов Тихона и Виталия, Господь послал старушку. Ей сто лет было. Она сказала, что помнит его могилку за алтарем церкви, у левого клироса. Так, с Божией помощью, мы нашли захоронение и перенесли останки архимандрита Зосимы в монастырь, в маленькую Тихвинскую церковь, где уже находились гробы отцов Тихона и Виталия.

Потом из складского помещения под алтарем Иоанно-Богословского собора устроили маленькую церковь в честь преподобного Серафима Саровского. Там теперь и находятся гробницы трех настоятелей и по афонскому образцу выставлены кости и черепа из

дореволюционных захоронений монастырской братии.

Восстановление Иоанно-Богословского монастыря в былом великолепии теперь уже навсегда будет связано с именем его наместника архимандрита Авеля. А он свои заслуги не признавал. Говорил, что обитель восстановилась благодаря ее настоящему хозяину — святому апостолу Иоанну Богослову и предстательству перед Богом прежних настоятелей обители — архимандритов Виталия, Тихона, Зосимы. Батюшка Авель почитал их как праведников, Божьих угодников.

— Отец Виталий, — рассказывал он, — прозорливый был. Как-то у одной женщины сын пропал. Вышел в праздничный день на улицу со сверстниками пообщаться и не вернулся. Прошло несколько лет, и вот его мать пошла с соседками в Иоанно-Богословский монастырь помолиться. Она очень уважала отца Виталия и после службы решила рассказать ему о своей беде.

Зашла к нему в настоятельский домик, благословилась, а он ей сразу и говорит:

— Ангел мой, послушай, какие в жизни происходят случаи. У одной женщины сын пропал. Она его долго ждала и не знала, жив ли он.

Потом пошла в монастырь помолиться. Помолилась, пошла в трапезную, где паломникам кусочки освященного хлеба раздавали. Там и увидела сыночка.

После разговора с отцом Виталием эта женщина сказала соседкам:

— Теперь я спокойна. Мой сын жив.

Пошли они в трапезную, а там — действительно ее сын кусочки освященного хлеба раздавал.

И отец Тихон прозорливый был, он предсказывал закрытие и возрождение монастыря. Только просил молиться около него после закрытия и разрушения. Хоть на камни приходить и у них молиться. «Господь услышит и откроет обитель», — говорил он.

А отец Зосима исповедник был. В годы гонений за веру пострадал. Вот молитвами этих праведников и возрождается сегодня обитель.

Но духовные чада отца Авеля знают, что и его молитва была дерзновенна перед Богом.

— Бывало, — рассказывал он одному из своих чад, — сомнения одолевали, сможем ли мы восстановить обитель? Ведь для этого помимо человеческого желания необходимы денежные средства. А их не было. Оставалось молиться и уповать на Господа. Порой казалось, не найдется денег на восстановление, но они находились. Когда же расходовались, я вновь молился. И Господь всегда посылал благотворителей. Так и восстанавливалась обитель — молитвой и трудом.

Но главный духовный подвиг архимандрита Авеля состоял, конечно же, не только во внешнем благоустроении Иоанно-Богословского монастыря, а в восстановлении разоренных годами безбожия сотен человеческих душ.

— Нужда доказывать бытие Бога, — говорил в то время митрополит Симон, — есть признак того, что в нас в высокой степени помрачен образ Божий, а возможность доказать все-таки Его бытие служит признаком того, что образ Божий еще не совсем изглажен или уничтожен в нас. А ведь сколько стараний приложили пришедшие после революции 1917 г. к власти атеисты,

чтобы полностью уничтожить веру в русских людях! Какой уж там образ Божий, если лозунгом советского государства стали слова: «Религия — опиум для народа». А тех, кто был не согласен с этим, попросту уничтожали. Уничтожали тысячами, миллионами… Но вера русского народа в Бога осталась жива.

В 1991 г. рухнул атеистический режим, считавший религиозность пережитком прошлого, которое невозможно вернуть. Но как только стали открывать храмы, то оказалось, что наш народ сохранил в своей душе православие. Воистину сбылись слова Иисуса Христа: «Я создам церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16, 18).

В это время наиболее ярко проявились духовные дарования архимандрита Авеля, ставшего пастырем многих сотен человеческих душ.

Благодаря опыту общения с простыми, необразованными и вместе с тем высокодуховными людьми из русской глубинки он умел объяснять сложные духовные вопросы. Объяснять доступно и очень образно. К примеру, когда его спрашивали, почему перед причастием необходимо поститься, он говорил:

— Любая баба, подоив корову, молоко для хранения наливает в чистую, вымытую посуду. А иначе ведь оно скоро скиснет. А мы хотим благодать Божию налить в сосуд своей неочищенной души. Разве ж она там будет храниться? Пост и вообще подготовка к причастию — это есть очищение души.

Однажды с отцом Авелем произошел неожиданный, можно сказать, комичный случай. Одна из прихожанок Иоанно-Богословского монастыря возомнила, что Господь повелел ей какие-то святыни завернуть в тряпки, положить в кастрюлю и передать отцу Авелю на богослужении. Пришла она на службу и хотела войти прямо в алтарь.

— Выхожу я из алтаря, — вспоминал с улыбкой отец Авель, — спрашиваю, что случилось? А эта женщина и говорит:

— Да вот мне Господь явился, сказал, чтобы я передала вам кастрюлю со святынями, а вы поставили бы ее на жертвенник.

— Когда же к тебе Господь явился?

— Вчера.

— А вот мне Он явился прямо перед богослужением и сказал, что скоро придет одна женщина с кастрюлей, так ты ее не слушай.

Таким образом, инцидент был исчерпан. Как говорится, без шума, без гама…

Бесценный жизненный опыт позволял отцу Авелю на равных разговаривать и с высокообразованными людьми.

Один генерал, депутат Государственной Думы РФ, в журнале «Русский Дом» так писал о своей встрече с ним:

«Мы с отцом Авелем почти одногодки. Оба рязанцы, обоих при рождении нарекли Николаями, но с какими разными багажами мы подошли к своей вечерней поре. Моя душа растрепана политическими шквалами в России и в мире, сердце в кровоподтеках и ссадинах от общественных неурядиц и личных бед.

Успел стать и генералом, и доктором наук, и даже депутатом Государственной Думы. А вот сижу смиренно перед своим земляком и тезкой, внимаю каждому его слову и по-хорошему завидую судьбе этого удивительного человека, который по крепости духа стократ превзошел меня, грешного. И никогда мне не приблизиться к его высотам».

Это откровение высокопоставленного чиновника, обладавшего большой властью, достигшего земной славы и почестей. Какой же удивительной духовностью обладал архимандрит Авель, если после встречи с ним публично изливались такие откровения! А сколько их было, таких встреч, после которых люди серьезно переосмысливали свою жизнь, ведомо одному только Богу… Множество народа побывало в Иоанно-Богословском монастыре.

Обитель находится недалеко от оживленной трассы, по которой люди со всего мира едут поклониться поэту Сергею Есенину. И, конечно же, заезжают в обитель, куда он с

бабушкой ходил помолиться из Константинова пешком.

А сегодня тысячи туристов на автобусе, но следуют по тому же пути.

Архимандрит Авель с детства любил творчество Есенина, в котором воспет и Иоанно-Богословский монастырь.

Не за песни весны над равниною
Дорога мне зеленая ширь -
Полюбил я тоской журавлиною
На высокой горе монастырь, —

писал поэт в одном из стихотворений.

— В юности, после прочтения стихотворений Есенина, вспоминал отец Авель, — у меня на глазах слезы появлялись. Это были теплые слезы нежности. «Как же прекрасен Божий мир, — думал я, — каждая травинка, каждый цветочек, птицы, зверушки, описанные Есениным, вызывали у меня умиление перед сотворенной Богом природой. Я умилялся и красотой души, которой обладал поэт и которую он видел в других людях».

Отец Авель так же, как и его сомолитвенник митрополит Симон, не верил в самоубийство поэта.

— Когда я еще служил в Городище, мне довелось причащать маму Сергея Есенина,- рассказывал батюшка, — после этого из разговора с ней я понял, что она не верила в самоубийство сына.

Глава XI. Труды на ниве просвещенья

Детский поклончик перед Богом — золотой. Слезы, пролитые перед Ним, бриллиантовые, а всякий вздох перед Господом — благоухающий.

Отец Авель каждодневно благодарил Господа за то, что Он сподобил его стать наместником Иоанно-Богословского монастыря.

— Ведь сюда еще мама моя ходила молиться, — говорил он. Тогда ведь каждый верующий крестьянин считал своим долгом хоть раз в год сходить в паломничество. Любил здесь молиться и Александр Иванович Белкин, рязанский блаженный. Тот самый, который бесов с меня палкой сгонял, когда я диаконом был. Он же и мое священство прозрел.

С Белкиным был такой случай. Однажды пошел он пешком в Иоанно-Богословский монастырь зимой, в трескучий мороз. А ведь наша обитель от Рязани в тридцати верстах находится. По дороге поднялась метель. Да такая, что сбился с пути Александр Николаевич.

Устал, перестал чувствовать замерзшие ноги и упал, обессилев. Только Господу молился.

И Он внял его молитвам. Белкина подобрали проезжавшие мимо на лошади крестьяне.

Блаженный Александр был спасен, однако ступни ног пришлось ампутировать.

А этот раб Божий так возлюбил обитель Иоанна Богослова, что после того, как раны зажили, и без ступней ходил в нее. Где на костылях, а где и ползком. Вот какие подвиги во имя Христа совершали раньше! А нынче нам лень пораньше встать да на автобусе приехать в святую обитель…

Управляя Свято-Иоанно-Богословским монастырем, архимандрит Авель возрождал традиции миссионерства и просвещения, которыми монастырь славился. В нем вновь собралась одна из лучших в России православных библиотек. В ней кроме современных изданий по богословию, философии, истории, искусству хранятся и древние книги XVII в. Часть библиотечного фонда находится на бывшем монастырском подворье в Николо-Ямском храме Рязани, где создана епархиальная библиотека для широкого доступа посетителей.

Понимая просветительское значение православной прессы, архимандрит Авель благословил издание газеты «Благовест», которая начала выходить с 1991 г. По сути, она являлась монастырским изданием вплоть до 2003 года, до тех пор, когда стала благословляться архиепископом Рязанским и Касимовским Павлом.

Ее бессменный редактор Ирина Ивановна Евсина все начинала с нуля. Для газеты выделили комнатку на открывшемся в том же году подворье Иоанно-Богословского монастыря в Рязани на улице Кольцова.

Комнатка была настолько мала, что некоторые полосы приходилось подготавливать к печати прямо на полу.

Редактор постоянно ездила к отцу Авелю за советом и молитвами. Порой казалось, что газета вот-вот прекратит свое существование из-за отсутствия средств.

— Батюшка Авель, что же нам делать? — спрашивала Ирина Ивановна.

— Молиться Иоанну Богослову, апостолу и евангелисту. Ведь ваш труд апостольский. И я помолюсь за вас.

У нас в монастыре тоже бывает, что средств нет, и кажется, что и взять их неоткуда. А помолишься, попросишь Господа и Его угодников, смотришь, и средства находятся. Еще раз напоминаю, что труд работников православной газеты — апостольский. Не случайно «Благовест» зародился в стенах обители апостола Иоанна Богослова.

А поскольку вы встали на путь просвещения других, то начинайте прежде всего с себя. Чтобы не просто пером, но и самой жизнью проповедовать Евангельские законы. Тогда Господь вас не оставит и вы еще будете удивляться, что через вас происходить будет.

В деле просвещения еще одним детищем архимандрита Авеля является православная гимназия во имя святителя Василия Рязанского. Много усилий он приложил для ее открытия,

много молился. Но по своей скромности говорил:

– Гимназия не мне обязана своим открытием. Я был только инструментом в руках Божиих. Когда, например, угли надо взять, используют совок какой-то, чтобы не обжечься. Вот и при открытии гимназии были такие искушения, что можно было обжечься. Помню, пришли ко мне и говорят: «Батюшка, документы на открытие не подписывают». А было это 23 июня, то есть на праздник святителя Василия Рязанского. Я тогда в Борисоглебском соборе служил. Говорю, давайте документы, пойду помолюсь святителю Василию. Помолился ему, слезно попросил: «Помоги, деткам учиться надо». Потом подошел к тем, кто принес мне эти документы, и сказал: «Теперь отнесите их на подпись, святитель Василий все управит. Только гимназию потом в честь него назовите». И ведь действительно в тот день все было оформлено. Так что не меня за открытие гимназии надо благодарить, а святителя Василия.

Архимандрит Авель очень любил детей. И ему хотелось, чтобы они воспитывались по-христиански. О таком воспитании батюшка говорил:

— Детский поклончик перед Богом — он золотой, слезы, пролитые перед Ним, — бриллиантовые, а всякий вздох перед Господом — благоухающий.

С шестнадцати лет оставшийся круглым сиротой, отец Авель особенно трепетно относился к детям без родителей, из детских домов. Им он часто напоминал слова своего духовного наставника владыки Димитрия о том, что у кого отца и матери нет, у того отец Сам Господь, а мать Сама Богородица.

Дети очень любили батюшку Авеля и, поздравляя его с праздниками, доверчиво, открыто признавались ему в этом.

— Вы уж меня очень-то не любите, — с улыбкой говорил им отец Авель, — и никого не любите больше Бога. А то ведь в жизни такое случается. Человек может сильно полюбить не только другого человека, но и вещь какую-то, власть, славу, удовольствие какое-то, страсть то есть. Так полюбить, что и про Бога забывает. И ждут его за это адские муки, которые начинаются уже здесь, на земле. Так что любите, детки, все с рассуждением.

Страсти, которые отдаляют человека от Бога, архимандрит Авель жестко обличал. Особенно пьянство, широко распространившееся на Руси за годы безбожной власти. Много бед приходит по причине пьянства. В том числе и добровольное оставление родителями своих детей и насильственное лишение пьяниц родительских прав.

Потому сразу же после открытия монастырского подворья в Рязани (на ул. Кольцова) архимандрит Авель благословил читать акафисты перед чудотворной иконой Божией Матери «Знамение-Корчемная». Через нее многие люди получали и получают исцеление от пьянства. Эта знаменитая, особо чтимая отцом Авелем святыня имеет интересную историю, которую он не раз рассказывал:

— Икона Божией Матери «Знамение» древняя. А Корчемной ее назвали потому, что находилась она в корчме, то есть, по-нашему, в закусочной, где водку продают. Принесла ее туда пьющая женщина.

Отдала в залог за стакан водки. А потом выкупила, принесла домой, а на следующий день вдруг увидела, что икона пропала. Пошла в корчму и поразилась, увидев, что она находится там. А корчемник сказал, что она попала к нему каким-то чудесным образом, потому что никто принести ее не мог. Женщина второй раз забрала икону, и опять святыня ушла из дома в корчму. Тогда она поняла, что это за грехи ее образ Божией Матери не хочет пребывать в

доме. Раскаялась и навсегда бросила пить. Потом были и другие случаи исцелений от пьянства, связанные с иконой «Знамение-Корчемная», которая долго находилась в корчме, а затем торжественно была перенесена в церковь Симсона Столпника, что стояла в Рязани, за кремлевским валом, ближе к Торговому городку.

После революции эту церковь разрушили до основания. Но икону прихожане сохранили. Она хранилась в благочестивом рязанском семействе. Прошли годы. И однажды образ вдруг дал трещину, которая прошла прямо по лику Богородицы. Это произошло где-то в 1960-х годах. Я тогда только из Ярославской епархии вернулся. Посетил это семейство. Стали думать, как бы подреставрировать образ Божией Матери. И как-то сразу мне вспомнился благочестивый ярославский художник-иконописец Андрей Иванович Шибаев. Он для меня уже писал иконы, в том числе образ Божией Матери, являвшейся мне в детстве.

Андрей Иванович был старый художник. Иконописному мастерству обучился с благословения святого праведного Иоанна Кронштадтского.

Я написал в Ярославль письмо с просьбой подреставрировать икону «Знамение-Корчемная». Но получил печальный ответ. Сестра Шибаева сообщала, что ее брат ослеп и выполнить просьбу не может.

А через некоторое время мне передали другое письмо, в котором сообщалось, что Господь сотворил чудо и девяностолетний Андрей Иванович прозрел. Тогда я срочно передал ему икону с одной женщиной из Ярославля и попросил помимо реставрации сделать с нее копию. Иконописец, получив образ

Божией Матери, тут же взялся за работу. Поновил ее и сделал точный список. Ярославцы также захотели иметь у себя копию с этой иконы. Но когда Андрей Иванович приступил к работе, то вновь ослеп и более уже не писал иконы.

А чудотворный образ Божией Матери «Знамение-Корчемная» и копию с него доставили в Рязань и передали архимандриту Авелю.

Когда же открылся Иоанно-Богословский монастырь, он их перенес туда и благословил каждый год в праздник иконы Божией Матери «Знамение» служить перед чудотворным образом «Знамение-Корчемная» молебен с акафистом. А список с нее каждую неделю привозили в Рязань, на улицу Кольцова, на монастырское подворье и также служили молебен с акафистом.

Ныне этот список находится в Николо-Ямском храме города Рязани.

Глава XII. Всему приходит конец

Когда я умру, приходите ко мне на могилку. Рассказывайте, как живому, о своих бедах и скорбях. Я все услышу и буду молиться за вас, как молился и при жизни.

В последние годы жизни архимандрит Авель, рассуждая о будущем нашего Отечества, высказывал сомнение в возрождении православного царства. Считал, что история не только России, но и всего мира идет к концу. Обо всем этом он говорил так:

— Когда я еще служил в Ярославской епархии, приходил ко мне один образованный прихожанин, врач по профессии. Он был благочестивым, верующим человеком. Хоть и имел высшее образование, но душой был как дитя. За это я и любил его, любил с ним беседовать.

Однажды он мне и говорит: «Батюшка, вот о чем я недавно задумался. Старая женщина родить не может. Рожает она, пока молодая. Так ведь, наверное, и земля. Пока молодая была — рожала, урожайная была.

А теперь вот ее и обрабатывают современными технологиями и удобрениями всякими посыпают, а она все равно малые урожаи дает. Наверное, земля состарилась, как человек старится. Значит, как и всякий человек, она движется к своему концу, к смерти».

Такой вот был разговор с тем врачом. И я с ним согласен. Все подходит к концу. Но мы, верующие люди, должны быть спокойны. Потому что знаем — Господь о нас позаботится. Не на этой земле, так на другой будем жить. На обновленной.

Но это не значит, что мы должны сидеть сложа руки, мол, коль все равно помирать, так ничего и не надо делать. Ни пахать, ни сеять. Мне некоторые говорят, что и монастырь незачем украшать, мол, пустая трата средств.

А ведь мы всеми трудами нашими, и когда пашем, и когда сеем, и когда храмы украшаем, всем этим утверждаем, что велик Господь, славен Господь, благ Господь!

И нечего ждать какого-то еще возрождения России, раз мы можем Господа славить открыто не только в делах, но и в церквях. Ведь всего десять-пятнадцать лет назад если бы нам сказали, что мы будем жить, как живем сегодня, мы бы не поверили.

Так что время, когда Россия должна просиять, может быть, и пришло. Ведь были же пророчества, что перед концом преподобный Серафим воскреснет и проповедовать будет. А разве он в своих мощах не воскрес? А разве не проповедует? Посмотрите, сколько газет, сколько книг выпущено с его жизнеописанием, его поучениями? Миллионы! Вот вам и проповедь преподобного Серафима всему миру.

Имеющий уши, да слышит. А что касается православного Царя, который якобы должен прийти, так его заслужить надо, вымолить. Он не манна небесная, с неба не свалится. Так что если мы не будем достойны Царя, так Господь его и не даст.

Эти слова архимандрита Авеля были едва ли не последними на большие, серьезные темы. С 2006 г. он стал слабеть здоровьем. В храм его возили на колясочке. С духовными чадами разговаривал мало, коротко. А в последние два месяца лежал в своей келье, в домике наместника.

Но никого из своих чад не оставлял он своими молитвами. Молился о восстановлении Успенского собора Иоанно-Богословского монастыря и Введенского придела Николо-Ямского храма.

— Вот восстановят их, — говорил он, — тогда мне можно будет и умереть.

Так и получилось. Четвертого декабря на праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы состоялось освящение в честь этого праздника придела в Николо-Ямском храме. А через два дня, шестого декабря, рано утром отошел ко Господу архимандрит Авель. В этот же день сорок лет назад скончалась и почитаемая им блаженная Пелагея Захаровская.

Отпевали отца Авеля в восстановленном Успенском соборе Иоанно-Богословского монастыря.

— Когда умирает человек праведный,— говорил при жизни незабвенный батюшка, — на его отпевании всегда бывает радостно на душе.

Неотмирную радость ощущали все, присутствовавшие на отпевании отца Авеля. По-человечески печалились, даже скорбели о том, что ушел старец, духовный отец, к которому в трудных ситуациях всегда можно было обратиться за поддержкой. Но в глубине души радовались, что обрели духовного помощника на небесах. А здесь, на земле, осталась его могилка, место для которой указал сам архимандрит Авель.

— Когда я умру, — говорил он, — приходите ко мне на могилку. Рассказывайте, как живому, о своих бедах и скорбях. Я все услышу и буду молиться за вас, как молился и при жизни.

Архимандрита Авеля погребли в нижнем храме Иоанно-Богословского собора. Этот храм освящен в честь преподобного Серафима Саровского, небесного покровителя отца Авеля, который с двадцати шести лет был тайно пострижен в схиму с наречением имени Серафим. В этом же храме покоятся мощи настоятелей Иоанно-Богословского монастыря, праведных отца Виталия, отца Тихона, и отца Зосимы.

Таким образом, архимандрит Авель (в схиме Серафим) за свою живую веру в Господа удостоился здесь, на земле, пребывать рядом с мощами праведников. Мы верим, что и душа его, вместе с душами праведников, пребывает в Царствии Небесном.

Чему бы жизнь нас ни учила,
Но сердце верит в чудеса:
Есть нескудеющая сила.
Есть и нетленная краса.

И увядание земное
Цветов не тронет неземных,
И от полуденного зноя
Роса не высохнет на них.

И эта вера не обманет
Того, кто ею лить живет,
Не все, что здесь цвело, увянет,
Не все, что было здесь, пройдет!

Но этой веры для немногих
Лишь тем доступна благодать,
Кто в искушеньях жизни строгих,
Как вы, умел любя страдать.

Чужие врачевать недуги
Своим страданием умел,
Кто душу положил за други
И до конца все претерпел.

Ф. Тютчев.

Спасибо, что читаете вместе с «Азбукой веры».

Другие материалы раздела – azbyka.ru/fiction

Поддержать портал – azbyka.ru/kak-pomoch